

СЛОВО

Подписные индексы П4244, П4362

22 декабря 2023 года — 18 января 2024 года

С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ!

**Москва. Кутузовский проспект.
Триумфальная арка.**

СУДЬБОНОСНЫЙ ШАГ ПУТИНА

Вступление президента Владимира Путина на предвыборную тропу неизбежно вызывает в душе острые вопросы.

Первый — может ли сегодня и в ближайшие шесть лет на этом посту быть кто-нибудь иной? Ответ складывается сам собой из нескольких обстоятельств. За минувшие почти четверть века правления наш президент отчасти волею и отчасти неволею — так получилось — сформировал себе позицию самодержца. Согласно Конституции РФ, президент не является ветвью власти, ибо их всего три: законодательная, исполнительная и судебная.

Соответственно, фигура лидера нации не возникает автоматически на базе основного закона, она складывается из его личных волевых и управленческих качеств, а также в немалой степени из того, что президенту подчиняются два главных союзника государства — армия и флот. Этот особый статус, «заработанный» Владимиром Путиным, выгодно оттеняется блеклым правлением Дмитрием Медведевым.

И ещё один момент — это особый и сугубый авторитет Путина на международной арене. Хорошо это или нет — не знаю, но наш президент скрепляет и поддерживает в стабильности значительную часть нынешней глобальной политической архитектуры. Это, без преувеличений, краеугольный камень, правда, не в небесном, а в земном измерении. Устрани или замени его — и вся и без того шаткая конструкция мироустройства, переходящая из фазы однополярности в многополярность, рассыплется как карточный домик. Любому новому лидеру России пришлось бы долго, к тому же, с непредсказуемым результатом, выстраивать личные отношения с Большим Югом во главе с товарищем Си, а также внушать священный ужас на Западе. Давно известно, что коней на переправе не меняют. Путина, конечно, жалко, ибо он, с одной стороны, вступая в выборы, обрекает себя ещё на 6 лет изнурительной работы на галерах в немолодом уже возрасте, а с другой — не хуже нас с вами понимает невозможность самоустранения. Это капкан. Но капкан, в который человек попадает не сам по себе, а лишь по воле Неба. Сердце царя на ладони у Господа. И самодержец всея Руси в её нынешнем кривом, во многом неолиберальном состоянии, тем паче приходит и уходит только по Промыслу.

Не менее ответственным и даже пугающим наверняка предстает кандидату Путину шемящее чувство о ближайшем будущем. Россия — а ему это видно яснее, чем любому из нас — стоит перед огромными испытаниями. Времени на раскачку, как он и сам любит говорить, действительно не осталось. В шагае между назревшими преобразованиями и унылой либеральной реальностью больше стоять невозможно. Там льётся кровь СВО, а здесь, в столицах, и самом Кремле, владеют бесконечно далекий от народа странные вельможи, о которых ныне покойный Киссинджер презрительно отзывался «это наша, а не ваша элита».

Пятая колонна — не мираж, а жесткая реальность, без устранения которой нечего и думать о достижении столь ценного в глазах Путина национального суверенитета. Пятая колонна — это не из области материи. Это люди, плотно и со всех сторон окружающие самодержца, готовые ему проекты речей и день ото дня внушающие ему иллюзию реальности. Страхнуть эту «королевскую рать» одним махом невозможно. Да, если и стряхнуть, встает вопрос: кем и чем заменить? Оставить всё, как есть, тоже нельзя, ибо Писание предупреждает — а у Бога никакое слово не остается без силы — что царство, разделённое в самом себе, опустеет, а дом не устоит.

Не забегая вперед, предположу, что с новым вотумом доверия где-то в пределах 80 — 90 процентов и притоком новых энергий свыше, президент России наконец-то возьмется, засучив рукава, нет, не за сами реформы, а пока лишь за подготовку почвы для давно назревших перемен. Кадры замещения ему придется сознательно черпать не сверху, а снизу, от корней народной травы, из наличия духовно зрелых верующих профессионалов, которые и числом, и качеством сегодня доросли до уровня требований момента. Эти кадры только ждут верховного призыва. В их лице Россия имеет не мятежников, а людей служения, профессиональное сообщество контрреволюционеров и антисатанистов.

Победа Владимира Путина в марте 2024 года предreshена, как предreshён и неизбежный её результат — начало долгожданного глубокого и судьбоносного поворота страны к христианскому мессианству, дабы, как минимум, притормозить и отсрочить скатывание мира сего в пучину глобальной катастрофы.

Александр НОТИН.

Возмездие
настигло
мгновенно

С прилавков книжных магазинов уберут книги желающего раздробить Россию Б. Акунина и иноагента Дм. Быкова. После обличающих их подлость и низость в интервью пранкерам Вовану и Лексусу оба стали персонами нон-грата в книжном мире. Издательство АСТ решило прекратить распространение их книг. Так же поступила и сеть магазинов «Читай-город — Буквоед». Сообщается также, что Росфинмониторинг внес писателя Акунина (Гр. Чхартисвили) в перечень террористов и экстремистов.

Собрание инициативной группы в поддержку выдвижения В. Путина кандидатом на выборах главы государства. Концертный зал «Зарядье». 16 декабря 2023 г.

НАШЕМУ САМБО 85!

Харлампиевские учебники остаются непревзойдёнными, а при жизни его называли человеком, научившим драться советских людей. От отца и деда он перенял бойцовские качества, был акробатом, боксёром и упорно собирал и систематизировал приёмы и техники боевых искусств разных народов: азербайджанского гюлеша, армянского коха, грузинского чидаоба, узбекского кураша, китайского ушу, джиу-джитсу, дзюдо, сумо и других. За это Анатолию Аркадьевичу низкий поклон, но что бы делал он без своего легендарного учителя Василия Ощепкова (1892—1937), с которого по большому счёту всё и началось, да только судьба ему выпала суровая, и имя его долго было под запретом.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО СПОРТА

Официальный год создания самбо 1938-й, хотя школы единоборств для военной элиты и чекистов возникли гораздо раньше. В 1914-м во Владивостоке по инициативе Ощепкова открылся первый кружок дзюдо, где обучались гимназисты, студенты, милиционеры и красноармейцы. Василий Сергеевич к тому времени уже имел чёрный пояс Ко-

«Дядя Турал» не помог

Банда «азербайджанских вымогателей» держала в страхе несколько районов Петербурга, хвастаясь в соцсетях, что, «дядя Турал» (высокопоставленный покровитель в полиции) решит все проблемы. Мигранты избивали русских людей, крушили кафе и торговые центры. Полиция арестовала всех участников банды. Главарь — «дядя Турал» — сбежал в Азербайджан. Однако Т. Мамедов был задержан и экстрадирован в Россию.

Поляки признались во лжи

По информации польских СМИ, спустя 13 лет министерство национальной обороны объявило о роспуске подкомитета по расследованию авиакатастрофы Ту-154 под Смоленском в 2010 году, где по дороге в Катынь погибли президент Лех Качинский и вся военная верхушка Польши. Замминистра обороны Польши Цезари Томчик обвинил эту комиссию в том, что она тратила не по назначению государственные деньги и лгала. Другими словами, «вина России», которую педалировали польские власти, была лишь политической игрой, которая не дала никакого результата и стоила Варшаве миллионы злотых.

Дословно...

М. ДЕЛЯГИН: «Для борьбы с инфляцией чиновники ЦБ устраивают её фантастический разгон при помощи девальвации рубля, а затем двукратного увеличения процентной ставки. Последствия этого для отечественной экономики их не интересуют принципиально». (tsargrad.tv).

«Команда
Путина»

В концертном зале «Зарядье» в Москве состоялось собрание группы избирателей в поддержку самовыдвижения Путина кандидатом на выборах главы государства в марте 2024 года. В мероприятии участвовали более 700 человек. Учредитель Царьграда Константин Малофеев обновил список участников «команды Путина». Помимо самого предпринимателя в этом списке многие известные общественные деятели: режиссёр Никита Михалков, певцы SHAMAN, Надежда Бабкина, Лариса Долина, кардиохирург Лео Бокерия, дирижёр Валерий Гергиев, актёр Владимир Машков, актёр, депутат Госдумы Дмитрий Певцов и другие. Единственно поддержал кандидатуру Путина на выборах президента и съезд «Единой России».

Владимир Путин подал документы в Центризбирком. Для регистрации в качестве кандидата-самовыдвиженца ему необходимо собрать 300 тысяч подписей избирателей.

РЕБЯТА СО СТАЛЬЮ

Когда в 1983-м на советские экраны вышел фильм «Непобедимый» с Андреем Ростокиным в главной роли, толпы пацанов ринулись записываться в секции борьбы вольного стиля. С тех пор о самбо в России ничего не снимали. При том, что наряду с лаптой, кулачным боем и городками, «самооборона без оружия» появилась не где-нибудь, а у нас, и прообразом героя Ростоцкого — красноармейца Хромова, отправившегося в Туркестан совершенствовать себя в борцовском мастерстве, послужил один из родоначальников самбо Анатолий Харлампиев (1906—1979).

докана — лучшей японской школы дзюдо. Редкий европеец достаивался такой чести: Ощепков был четвёртым и первым русским, получившим 1-й, а позже 2-й дан как свидетельство высочайшего мастерства. Так что заложенным фундаментом отцом-основателем самбо справедливо, наверное, считать именно его. Автор вышедшей в «ЖЗЛ» биографии Ощепкова Александр Куланов, погружаясь в подробности его жизни, не раз восклицал: такого не бывает. А вот с родившимся на Сахалине в гражданском браке столетия Сергея Плисака и осуждённой на огромный срок каторжанки Марии Ощепковой наречённым Василием парнем случалось.

Рано осиротев, он чудом оказался в Токийской семинарии Ивана Касаткина — Николая Японского (численного к лику святых), в совершенстве овладел

японским языком, из первых рук постиг философию и каноны восточных боевых искусств. Такой завидный багаж поможет ему стать русским резидентом в Японии, а по приезде домой разработать на основе заимствованного у японцев опыта собственный стиль борьбы и самообороны. Он напишет пособия по физподготовке армейского состава, придумает правила боя без оружия, инструкции штабистам РККА и рассчитает нормы для комплекса ГТО. Будет преподавать в Институте физкультуры имени Сталина, Дворце спорта Осоавиахима, Центральном Доме Красной Армии, создаст уникальные комбинации защиты от ножа, винтовки, револьвера. В шляпе, светлом костюме, блестяще образованный, элегантный, он был всегда доброжелательно открыт и щедро делился своей энергией и знаниями.

Иначе вёл себя ветеран русско-японской войны 1905 года Виктор Спиридонов (1882—1944), параллельно с Ощепковым развивавший свою систему «Самоз», сугубо замкнутую на особистов и силовиков. В 1923-м он организовал ведомственную «секцию нападения и защиты» при Пролетарском обществе «Динамо». И так как после тяжелой контузии в Первую мировую практические занятия сам вести не мог, тайно посылал своих учеников к Ощепкову. Их взгляды на учебный процесс разнились, но цену друг другу оба мастера отлично знали. Позже ощепковская и спиридоновская системы объединятся, а тогда они скорее соперничали, чем дружили. В Великую Отечественную Виктор Афанасьевич обучал сотрудников НКВД и других «спецов» на базе в Мытищах. Он же придумал и название самбо, сразу понравившееся кратколюбивым и мгновенно прижившееся.

Когда в 1937-м Ощепкова по ложному доносу («работает на японцев») арестовали, и он то ли был расстрелян, то ли умер в Бутырке от приступа стенокардии, супруга Василия Сергеевича передала весь его архив Анатолию

СЛУЖБА ИНФОРМАЦИИ «СЛОВА»

Союзу писателей России — 65 лет!

Союз писателей России отметит в эти дни своё 65-летие. 7 декабря 1958 года в Москве завершился Учредительный съезд Союза писателей РСФСР. С того дня современный Союз писателей России и ведёт свою юридическую биографию. В своём обращении по случаю славной даты Председатель правления СПР Николай Иванов подчеркнул: «И в эти юбилей-

ные дни можем сказать нашим первым руководителям — фронтовикам Соболеву, Михалкову, Бондареву, историку Ганичеву — мы не уронили знамя, поднятое вами. Время показало, что нашим языком остаётся язык народа. Он для нас тот живой родник, пред которым мы только и становимся на колени, чтобы испытать живительной влаги и вновь обрести силы».

Культурная революция в Большом

Известный дирижёр, народный артист РФ Валерий Гергиев назначен гендиректором Большого театра. Одновременно он будет руководить и Мариинским театром в Санкт-Петербурге.

Гергиев сменил Владимира Урина, «прославившегося» приглашением осуждённого за растрату режиссёра Кирилла Серебренникова для постановки балета «Нуреев», пропагандирующего ЛГБТ. Спектакль был снят с репертуара. Тогда Урин восстановил на сцене спектакль сбежавшего Серебренникова «Герой нашего времени», смотревшийся весьма неоднозначно после начала СВО. Его тоже пришлось снять. «Культурная революция. Маленькая пока», — радуется политолог Сергей Марков.

Он утверждает, что за Уриным стоят те же люди, которые «не давали госзаказа снимать фильмы про Донбасс, про Захарченко, про Русскую Весну на Украине».

Церковная награда — космонавту

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл наградил Героя России лётчика-космонавта РФ Елену Серову орденом преподобной Евфросинии, великой княгини Московской III степени. Серова в 2014–2015 годах совершила полугодовой космический полет. Также она является председателем попечительского совета Троицкого храма.

В патриаршем указе отмечается, что Елена Серова награждена орденом Русской православной церкви за помощь Московской епархии и участие в восстановлении храма Живоначальной Троицы.

Центральный дом литераторов. Творческий вечер Алексея Шорохова. В президиуме (слева направо) — Сергей Сибирцев, Алексей Шорохов, выступает Николай Иванов.

Придётся выбирать

Президент Олимпийского комитета России Станислав Поздняков заявил, что спортсмены смогут участвовать в Олимпиаде в Париже только за свой счёт и не могут быть ассоциированы с национальными организациями, которые будут проводить Игры дружбы. «Иначе его результат на Олимпиаде может быть аннулирован», — объяснил он. 8 декабря Международный олимпийский комитет допустил россиян и белорусов к Олимпиаде в Париже в нейтральном статусе. При этом в Париж не пойдут атлеты, поддерживающие СВО, а также представители командных видов спорта.

ДОБРОВОЛЕЦ
АЛЕКСЕЙ
ШОРОХОВ

В Малом зале ЦДЛ прошла встреча с Алексеем Шороховым, поэтом, прозаиком, секретарём Союза писателей России. Чуть более года назад он стал добровольцем, пополнив ряды сражающихся русских батальонов на Украине. Кавалер боевых наград.

Открыл вечер Николай Иванов, Председатель Правления Союза писателей России. С началом Специальной военной операции на Украине, рассказал он собравшимся, тема СВО стала основной для поэтов и писателей нашего Союза. Большими тиражами выходили стихотворные сборники, посвящённые СВО, защите Отечества, людям на войне, переживаниям их родных и близких. Встречи с участниками боевых действий, посещение госпиталей, где на излечении находятся раненые, стали обязательной частью деятельности всех отделений нашего профессионального Союза.

Впрочем, эту работу писатели и поэты вели ещё с 2014 года, со времени начала обороны Донбасса и ЛНР. В гуманитарных конвоях годами участвовал и Алексей Шорохов. И, конечно, подытожил Н. Иванов, предмет нашей особой гордости — наши добровольцы, которые шагнули в пламя конфликта в феврале 2022 года. Алексей, одного из них, мы поздравляем с возвращением и 50-летием.

Двенадцать месяцев фронтовых буден на «линии соприкосновения», как в «век цифры» изыскано именуют то, что в Отечественную звали передним краем, а то и грубовато — «передком». Но как халву ни называй, она слаще не станет.

Постоянно меняющаяся линия фронта с каждодневными артобстрелами, атаками и контратаками в ходе украинского «наступа», контрбатареями дуэлями, с тучами дронов и планирующих авиабомб над головой, с рейдами на десятки километров «за ленточку», вглубь территории противника, ранения и гибель товарищей рядом — вот из чего сложились тяжёлые часы, дни, и месяцы фронтовой жизни. Затем серьёзное ранение и госпитальная койка в Москве. И только пережив этот год, небывалый для него и переломный для страны, политрук Алексей Шорохов смог вернуться домой к жене и двум мальчишкам сыновьям.

Грозное слово ополчение — родилось у Минина и Пожарского в год обретения иконы Казанской Божьей матери, с которой началось освобождение Москвы и Руси от поляков. Охотники, как называли добровольцев в те времена, были и у покорителей Сибири — Ермака, Дежнёва и Хабарова. Под команду «Шаг вперёд!», из шеренги выступали самые смелые и отчаянные. А дальше, как Господь управит. Сколько бы ни говорили о том, что война стала другой, но грань между жизнью и смертью всё равно тонка, и переступить её никто не хочет. Но Сынов Победы Бог хранит.

Вряд ли у нас сыщется хоть одно поколение, полная жизнь которого прошла бы без войн и без того, чтобы страна не поставила под ружьё новобранцев и не призвала бы под свои знамёна добровольцев.

Помните, чем заканчивается «Анна Каренина» Льва Толстого? Словами о том, что граф Алексей Вронский едет в Сербию записаться добровольцем в легионы Скобелева и Черняева. А в реальной жизни было так: добровольческий полк в 3000 человек на свои деньги собрал и снарядил Алексей Константинович Толстой.

Добровольцы, которых в прежние времена называли «охотниками» отдельная и увлекательная часть нашей героической военной истории.

Декабрист Бестужев-Марлинский, погибший при взятии Адлера в 1839 году, лучший до Гоголя беллетрист России. Лермонтов, из охотников охотник, славился отчаянными вылазками в стан горцев.

Они были кадровыми офицерами, но вели себя в каждом бою с тем мужеством и самоотверженностью, которые присуще добровольцам.

Откликнулся на призывный зов военной трубы и Александр Пушкин. Восстание на Сенатской площади он пропустил, будучи в изгнании в Михайловском. Однако, как только явилась первая возможность оказаться на театре военных действий, он тут же умчался в Кавказскую армию Паскевича.

Россия умела выигрывать войны, пусть и большой кровью. Но нередко она не умела выигрывать мир. Именно так случилось в 1870 году, когда русская армия стояла в 12 верстах от Стамбула, но концертом западных держав принуждена была отступить.

Как же смотрится сегодняшнее добровольчество в контексте русской истории?

Хорошо смотрится! Как и подобает российским воинам.

Виктор ЛИННИК.

И ОЛОВОМ ВНУТРИ

Харлампиеву, назначенному вскоре старшим тренером и ответственным секретарём Всесоюзной секции борьбы вольного стиля. Бесценные рукописи и конспекты Учителя легли в основу будущих книг ученика. От запретного дзюдо пришлось отказаться, но заповеди и методы Ощеп-

с дебютными бронзовыми медалями. Японцы под впечатлением такой встречи учредили у себя федерацию самбо и сели штудировать советские учебники.

Это было яркое доказательство того, что вопреки всем козням и благодаря осторожному благоразумию

по ковру, болевые приёмы, захваты за пояс и удушение, разрешённое у дзюдоистов и запрещённое в спортивном самбо.

СТОЙКИЕ И ГИБКИЕ

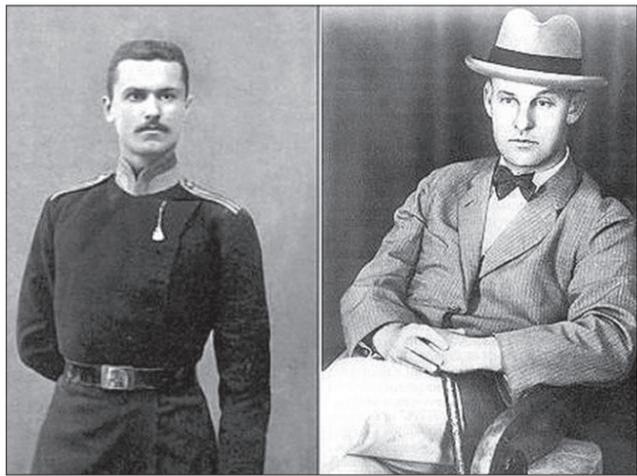
История единоборств полна драматизма, а путь каждого из трёх патриархов, стоявших у истоков нашего самбо, тянет на захватывающий сериал. Хотя пока в прокате лишь «Легенда о самбо» — киноверсия противостояния Ощепкова и Спиридонова, вызвавшая в соцсетях больше нареканий, чем восторгов. Но глава Всероссийской федерации самбо Сергей Елисеев, бывший кстати среди тех, кто, посмотрев «Непобедимого», побежал записываться в самбисты, рад, что спустя 40 лет кинематограф вновь обратил взор в их сторону: «нравится не всем, но внимание к боевым искусствам новый фильм привлечёт». Как и только что изданная книга «Команда самбо» с рассказом о тех, кому занятия самбо помогли достичь карьерных вершин.

Кто-то как Герой России Олег Артемьев покоряет космос, кто-то стал архитектором, кто-то президентом. Знаменитый хирург Хасан Баиев признаётся,

что без самбо не смог бы по 16 часов стоять со скальпелем за операционным столом. Профессора МИФИ Валентина Никитаева самбо научило не сдаваться — никому и ни за что. Самбо — это стойкость духа, стальной характер и тонкая ирония. Сергей Елисеев советует прочитать книгу прежде всего родителям: узнав, кто вышел из самбо, они поймут в какой вид спорта отдаёт ребёнка. Самбисты умеют защитить себя, не применяя оружия.

Сегодня тысячи российских школ и десятки вузов имеют залы для занятий самбо. Летом заработала школа самбо в ДНР, в сентябре — в Мариуполе, идея «самбо в школу!» активно продвигается во всех регионах, о чём говорили на недавнем, в преддверии 85-летнего юбилея форуме «Время самбо». Его поприветствовал неравнодушный к этой теме глава государства, напомнив, что самбо воспитывает патриотов и самоотверженных людей. Федерация учредила к празднику Знамя самбо, Клятву и Кодекс самбиста и провела гашение юбилейной марки. Самбо расширяет границы, растит волевых и сильных граждан. Многие сейчас сражаются на передовой. Так что самбистам «Ура!».

Алёна СЕМЁНОВА.

Отцы-основатели самбо — Виктор Спиридонов и Василий Ощепков.

кова, Анатолий Аркадьевич Сибирцев, сумев поднять самбо до статуса отечественного вида спорта, узаконенного в ноябре 1938-го.

На летних Олимпийских играх 1964-го в Токио наши переодетые в кимоно самбисты не ударили в грязь лицом, вернувшись домой

Харлампиева, самбо перспективно и успешно шагает вперёд. С дзюдо («дзю» переводится как гибкость, «до» означает путь) их различают ведь не только форма и то, что дзюдоисты выступают босиком, а самбисты в самбовках, но и манера схватки, перемещения

Следующий номер газеты выйдет 19 января 2024 г.

Мы продолжаем ряд бесед с редактором проекта «ХРОНОС. Всемирная история в интернете» Вячеславом РУМЯНЦЕВЫМ. И сегодняшний наш разговор — это попытка и соотечественникам, и самим себе, прежде всего, ответить на самый мучительный вопрос, который висит в воздухе и встаёт комом в горле.

— Вячеслав Борисович, настанет ли момент, когда Специальная военная операция кончится? Как мы будем жить в одном пространстве с теми, с кем мы сегодня воюем? Как будет устроена жизнь в стране и в мире?

— Мне уже 66 лет, и у меня нет уверенности, что я застану окончание этой войны. Поэтому мое представление будет не совсем честным: я как бы «не для себя» буду описывать будущее страны и мира...

— Однако уже в новом учебнике для одиннадцатого класса вставлена глава про СВО, да, так сказать, официальный взгляд...

— Лет десять назад мне довелось принять участие в обсуждении так называемого культурно-исторического стандарта, на основе которого ещё тогда планировалось начать «взять» этот новый учебник. Получается, что примерно одиннадцать выпусков учеников одиннадцатого класса, к счастью, избежали этого «счастья».

— А что там было, в стандарте?

— Историческими деятелями 1990-х и 2000-х годов названы Алла Пугачева и Андрей Макаревич, проявившие себя не лучшим образом в трудное для страны время. А участвовавший в выработке «стандарта» заместитель директора института Российской истории Журавлев рассказал, как в ходе выработки «стандарта» он советовался с представителями общества «Мемориал», признанного ныне иноагентом и запрещенного на территории РФ. Однако я вижу, что этот печальный опыт ничему не научил не только создателей учебника... Они так и не поняли, что айсберг виден ими только процентов на пять, а без батискафа увидеть его целиком им и вовсе не по силам. А наблюдение самого-самого длительного исторического процесса не дает настоящему историку морального права делать какие-то выводы...

— Вы хотите сказать, что война продлится настолько долго?

— По аналогии с предыдущими глобальными конфликтами — а нынешняя война на территории Малороссии определённо имеет характер глобального конфликта — всё это надолго. Что, впрочем, не исключает некоторых временных и локальных пауз (сейчас как раз заговорили про некие [очередные] переговоры).

Однако возьмем для примера Вторую мировую войну. Она реально началась в 1936 году. Одним из основных театров военных действий (ТВД) стала территория Китая, который за годы того глобального конфликта потерял более 35 миллионов человеческих жизней. Слава Богу, жители нашей страны знают, что до 1 сентября 1939 года уже шла долгая война в Испании — по форме гражданская, но по участию военной техники вполне себе глобальная. При том, заметьте, между участием наших

КОГДА закончится война?..

военных специалистов в военных действиях в Испании на стороне республиканцев, в Китае на стороне Гоминьдана, и позже — уже в боях на Ржевском направлении — был довольно длительный «просвет» во времени. Подобный «просвет» может возникнуть и сегодня.

— **Какая была перед нами глобальная цель в ходе Великой Отечественной войны?**

— А какая задача решалась, по Вашему мнению, в ходе Второй мировой войны?

— **Победа — вот наша задача! Победить нацизм!**

— Наша страна в 1941 году была принуждена воевать против нацистского Третьего рейха и победить его. Нас, по сути, использовали как наковальню, чтобы раздолбать об неё германскую нацию. А вот Лондон ставил перед той войной несколько иные задачи. Он сам разжигал и провоцировал мировую войну. Целью истеблишмента, сидящего в Лондоне и Вашингтоне — по недоразумению называемого «англосаксами» — было уничтожение двух своих конкурентов — Германии и Японии. Если мы воевали за своё выживание в будущем мире, то они конструировали удобный для невоенных задач мир с единой глобальной валютой и глобальными рынками.

— **А сегодняшний глобальный конфликт? Он какие задачи будет решать? И в чью пользу?**

— Последние годы звучит такое суждение, что финансовый капитализм исчерпал себя как система, и он сам будет заменять глобальный хозяйственный уклад на нечто принципиально иное — на некую новейшую разновидность рабовладельческого строя. Возникли имитационные «индустрии», которые производят инфантильные поколения, не занятые в производственной деятельности, не создающие семьи и не предусматривающие появления у них потомства. Взять, к примеру, «индустрию» электронных игр. Миллиарды долларов (или уже триллионы) зарабатываются на «производство» некоего продукта, который не прибавляет ничего как в материальном мире, так и в духовном. Произведениями искусства и, шире, явлениями культуры эти электронные игры не являются. «Индустрия» занимает миллионы человек, по сути, ничего не производящих. То есть уже не занимает, а поглощает миллионы человек...

— **Для религиозного сознания подобное занятие вполне вписывается в представление о деяниях Сатаны.**

— Божественное — без уточнения имени Бога и особенностей религиозных систем — предусматривает чёткий и однозначный принцип существования человечества: «Плодитесь и размножайтесь!» Сатанизм же призывает прекратить плодиться и в конце концов перестать населять Землю. Игромания, совершающая перенесения всех страстей в мир виртуальный, и одновременно вызывающая инфантильное существование в реальном мире, де факто означает «бескровное» уничтожение «лишнего» населения земли.

— **Противники божественного замысла о Вселенной утверждают, что Земля, якобы, не в состоянии выдержать такую большую нагрузку.**

— А вот Константин Эдуардович Циолковский ещё в 20-е годы XX века рассчитал, что земельных угодий на нашей планете вполне достаточно, чтобы прокормить 100 миллиардов человек! К слову, сейчас нас 8 миллиардов. Собственно говоря, именно для этой высшей цели человечества — плодиться и размножаться — русский мыслитель и занялся ракетотехникой: чтобы расширить пространство распространения человека на орбитальные станции и ближайшие соседние планеты.

— **Мы с вами нечаянно отделились от обсуждаемого нами военного конфликта и его целей...**

— Отнюдь. Цели текущего глобального военного конфликта самым тесным образом связаны с космическим будущим человечества. Я в данном случае уже говорю не о том, чего хотят условные «англосаксы», впавшие в сатанизм, а о целях человечества и, надеюсь, нашей страны как единственно способной эти цели человечества воплотить.

— **Какие же цели человечества России предстоит достичь в ходе начавшегося глобального конфликта?**

— Вот смотрите: чем живет современный мир? Для развития стран и народов требуются энергетические ресурсы. Как я показал в одной из наших с Вами предыдущих бесед, люди гибнут за уран — на Украине под контроль российских войск в первые же дни СВО были поставлены главные объекты, связанные с хранением и использованием урана и плутония. Например, в подземных хранилищах Запорожской АЭС на тот момент хранилось соответственно 30 и 40 тонн этих материалов. В Африке у Франции отнимают её источники получения урана (Мали, Центральноафрикан-

ская республика, затем Нигер). Идёт борьба и за традиционные энергоносители — нефть и газ — и в той же Африке перекрыт строящийся газопровод из Нигерии через Нигер и Алжир в Европу. В Нигере произошёл переворот, и, вероятно, тому трубопроводу больше не быть.

— **Вроде бы в борьбе за ресурсы ничего принципиально нового нет. Почему вы связываете эту тему с войной?**

— Потому что ресурсы заканчиваются, а запасы такого материала, как уран-235, на Земном шаре ограничены. Уран, газ, нефть, уголь — всё это в ближайшей перспективе станет дефицитом для большей части стран мира. Мы сжигаем энергоносители... Как Воланд у М. Булгакова наставлял двух литераторов: и мало

осознает, что дни жизни этого самого человечества сочтены и другого способа избежать превращения этого самого человечества в играющий и вымирающий в игре прямоходящий скот нет, тем лучше. Тогда у нас ещё останется шанс на спасение.

— **Возможно, стоит искать выход из этой космической проблемы, обращаясь к духовному потенциалу народа, благодаря которому Советский Союз и спас мир от фашизма... Не пора ли нам обратиться к самим себе, укреплять во всех отношениях центральные русские земли.**

— **Так будет ли окончание Специальной военной операции?**

— Да, возможно, что наша армия дойдет до некоего рубежа, и всё закончится. Но... Вот представьте

себе: иду я на байдарке по лесной извилистой речке. Где-то за облаками светит полуденное солнце. Облака густые, местами принимается дождик. Ветер гонит их, относительно моего курса, слева направо. Проходит час и над моей головой образуется обширный просвет с легкими ошметками облачности. Иду дальше, направления не меняю, но снова оказываюсь под густыми облаками, которые ветер гонит справа налево. Что это было? Это я прошел через небольшой циклон. В центре циклона — светлый глаз без туч.

— **Вы хотите сказать, что нынешняя война — это циклон?**

— Не нынешняя, а всякая. Вот и прошлый Большой Глобальный Военный Конфликт так же проходил. В 1914 году начался, к итогу 1918 года все европейские державы, включая Англию и Францию, измотались до полного изнеможения. Германия вовсе рухнула, хоть её войска стояли на чужих землях. Российская империя была разрушена — вместе с Австро-Венгерской и Османской. Взяти перерыв. Подрастили очередное молодое поколение, нарастили военные мышцы. И в 1936 году вновь начали стрелять — в Испании, в 1937-м — в Китае. И пошло-поехало...

Война лишь приостановилась в ноябре 1918 года в Компьенском лесу, чтобы начаться с новой силой — в других местах, но и на прежних ТВД тоже.

— **Какой вывод следует нам сделать из такой перспективы?**

— «Значок ГТО на груди у него...» Готов к Труд и Оборону — так расшифровывалась аббревиатура того значка. Пора готовить новое поколение. Ведь предыдущее было советско-постсоветской элитой отдано на откуп «западным ценностям». Абсолютно глупо, бездумно-безумно отдано на откуп и разграбление. Теперь сделаем выводы и исправимся. Но для этого потребуются не только новое поколение современных солдат воспитать, не только ВПК / ОПК подтянуть, но и ту самую элиту прочистить как следует. Без этого Победы не жди. Всякие пугачёвы и макаревичи фактом своего существования этот вывод иллюстрируют ярче самых способных пропагандистов.

Это единственное, что нам понятно, как дважды два. Один из героев нашего времени, который воюет на Донбассе с 2014 года за русскую землю и русский язык, говорит: «Родился русским — готовься к войне».

Беседовала
Ирина УШАКОВА.

Антон ВАСИЛЬЕВ

Пятое декабря, 220 лет со дня рождения Фёдора Ивановича Тютчева — хороший повод объяснить нынешним «релокантам» и «испуганным патриотам», не уважающим собственную страну, каким может и должен быть русский человек, даже проживший десятки лет в Европе. Только смогут ли они это понять...

Если вундеркинды существуют, Фёдор Тютчев должен занимать среди них одно из главных мест. В 13 лет он переводил с латыни на русский оды Горация, да так, что в 14 стал членом Общества любителей российской словесности. Писал он и свои подражания Горацию. Университет он окончил за два года.

*Веселен я и вместе — слаб,
Властитель я и вместе — раб.
Добро или зло творю —*

о том не рассуждаю,

*Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же своё собой повелеваю,
и, если бить хочу кого,
то бью себя я самого...*

Это Тютчев написал в 17 лет. В 18 юноша уехал российским посланником в Мюнхен. Правда, хорошим дипломатом он себя не считал, обнаружив в себе стойкое качество — «прислуживаться тошно». Но в его стихах, как ни удивительно, патриот-дипломат ясно виден и осязаем.

Молодые люди, долго жившие в Европе, да ещё и знакомые с тамошним бомондом, постигающие философию стран пребывания, чаще всего превращаются в подобие западных людей, а подчас, по русской безудержной страсти доводить всё до максимы, русофобами, превосходящими своих западных учителей (самый приличный и талантливый меж них — Чаадаев). Так было в XIX веке и намного позже... Среди этой публики Тютчев — редкое и чудесное исключение. Может быть, «гены сработали»?

Среднерусские районы, пограничье Орловской и Брянской губерний, породили целое созвездие мастеров русской литературы: Тютчев, А.К. Толстой, Тургенев, Полонский, Фет, Л.Н. Толстой, Лесков, Пришвин, Бунин...

Возможно, это не только мистика неких аномальных зон, мест силы, но и вполне историческая закономерность? Брянско-орловская лесостепь была засечной чертой Московской Руси. Сюда к нам шли кочевые орды. И на тогдашнее «дальнее пограничье» московские князья посылали служить самых инициативных, способных, талантливых и храбрых, а потом они оседали там на пожалованных усадьбах. Здесь собралось лучшее, что было в русском характере. Один из предков Тютчева был героем Куликовской битвы.

Молодой дипломат писал стихи... и забывал про них, рукописи лежали у него вперемешку с официальными бумагами, ведь поэтом он себя также упорно не считал! Его коллега, князь Гагарин, стопроцентный, кстати, западник, как-то выпросил их, прочёл... и послал в Россию, в пушкинский журнал «Современник», Жуковскому и Вяземскому. Их назвали «письмами из Германии». Но стихи были такого качества, что Пушкин их опубликовал, потом ещё раз, ещё... И «Весеннюю грозу», и «Сон на море», и другие...

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик;

В ней есть душа,

в ней есть свобода,

В ней есть любовь,

в ней есть язык...

Вы зрите лист и цвет на древе:

Иль их садовник приклеил?

Иль зреет плод в родимом чреве

Игрою внешних, чудных сил?..

Но молодой поэт писал не только о грозе в начале мая, его всё более занимали гражданственные и даже политические мотивы: оказалось, что о политике можно писать такие же яркие и сильные стихи, как о любви или природе! В Европе шли тридцатые годы. Благодарность к России, освободившей европейцев от Бонапарта, иссякла

и всем Западом». Почему же она случится?

Умом Россию действительно не понять, потому что русский народ сохранил в себе давно выцветшее и деградировавшее на Западе христианство, по своей врождённой склонности к поискам правды, самоотвержению и самопожертвованию. Европа, за редким исключением — враг Христа. В основе её цивилизации — обожествивший себя человеческий индивид, зародыш нищенского и нацистского Юберменша. Европа — это самовластие возгордившегося «Я», обожествляющего свои фантазии, свои умонастроения.

что с Бисмарком... Только железный канцлер не был поэтом.

Ты долго ль будешь за туманом

Скрываться, русская звезда,

Или оптическим обманом

Ты разлетишься навсегда?

...Всё гуще мрак, всё пуще горе,

Всё неминуемей беда...

Он предсказывает, от чего погибнет Запад. Вдумайтесь, как же это актуально в наши дни, когда даже молитвы в школах и рождественские ёлки там запрещают в угоду «толерантности»:

Не от меча погибнет он земного,

Мечом земным

владевший столько лет,

Его погубит роковое слово:

«Свобода совести есть бред!»

«В сущности, для России опять начинается 1812 год; может быть, общее нападение на неё не менее страшно теперь, чем в первый раз... И нашу слабость в этом положении составляет непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого противника, но старалась только служить ему подкладкой». (Ну поистине про наши 90-е! Нам для превращения из западной подкладки в державу понадобились Югославия, две чеченские кампании, Грузия, Сирия и Украина. А Российскую империю хоть чему-то научил Севастополь: перевооружение армии, железные дороги, первые броненосцы...).

«Ну вот, — писал Тютчев жене в Германию, — мы в схватке со всей Европой, соединившейся против нас общим союзом. Союз, впрочем, неверное выражение, настоящее слово — заговор... Это — целый мир обесчещенный... Давно уже можно было предугадать, что эта бешеная ненависть, которая 30 лет, всё сильнее и сильнее, разжигалась на Западе против России, сорвётся же когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал...»

То, что на официальном языке называлось Россией, чего оно уже только ни делало, чтобы отвратить роковую судьбу: и виляло, и торговалось, и прятало знамя, и отрицало даже самоё себя — ничего не помогло. Пришёл-таки день, когда от неё потребовали ещё более яркого доказательства её умеренности, просто-напросто предложили самоубиться... Торжество признания, что она не что иное в мире, как дикое и безобразное явление, как зло, требующее исправления». (Попросту наши горбачёвские и ельцинские времена описывает русский гений — Рейкьявик, пагт Гор-Черномырдин, сдачу сербов и первой Чечни...).

Опять Восток

дымится свежей кровью,

Опять резня! Повсюду вой и плач.

И снова прав пирующий палач,

А жертвы преданы злословью.

Ничего не напоминает, дорогие читатели?! Да, петровскую, петербургскую, бюрократическую Россию он терпеть не мог, как и Достоевский, видя, как чахнет и разлагается в ней русская народная душа. Но они оба верили, что для России, в отличие от Запада, возможно ещё покаяние и самоочищение, которое смоет все её пороки, грехи и беззакония.

День православного Востока,

Святись, святись, великий день,

Разлей свой благовест широко

И всю Россию им одень!

...О, дай болящей исцеленья,

Отрадой в душу ей повея,

Чтобы в Христово Воскресенье

Всецело жизнь воскресла в ней.

Наивно? Несбыточно? Кто знает... Тютчев ведь намекал на отдалённое будущее. Политические события для него были тайными знаками, символами подспудных процессов где-то в глубине. По ним он угадывал судьбу страны и народа. Его стихотворные предсказания удивительным образом совпадают с прозрениями святого Серафима Саровского и монаха Авеля, которые одной фразой можно изложить так: «XXI век будет веком сияния России».

Доживём ли? Дай, Господь...

РУССКАЯ ЗВЕЗДА

в умах западников быстро, и в них всё сильнее разгоралась русофобия, подогреваемая и Англией, и польской эмиграцией.

Стоим мы, слепы, пред судьбою,

Не нам сорвать с неё покров...

Я не своё тебе открою,

А бред пророческий духом.

Ещё нам далеко до цели,

Гроза ревет, гроза растёт.

И вот, в железной колыбели,

В громах, родится новый год.

Запад никогда не понимал территориального роста России, не понимал, что Россия не захватывает, а воссоединяет с собой родственные ей по духу и исторической судьбе народы и территории. Двадцать два года Фёдор Тютчев пробыл на Западе. Любой другой «олиберализм» бы за столько лет насквозь. А он?

Европе, считал поэт и дипломат, чужда органика жизни, она стремится переключить мир под свои, созданные французскими революционерами, фантазии о демократии и свободе. «Россия и Европа противостоят друг другу. Возможно, скоро будет вторая Отечественная война между нами

в которых России и русским не будет места.

Не плоть, а дух растлился

в наши дни,

И человек отчаянно тоскует.

Он к свету рвётся

из ночной тени

И, свет обретши,

ропщет и бунтует.

«Давно уже в Европе существует две действительные силы, — писал Тютчев Аксакову. — Революция и Россия. Эти две силы теперь противоположны одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны: существование одной из них равносильно смерти другой! От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества».

И ещё: «Усобица на Западе — вот наш лучший политический союз... Очень было бы назидательно и даже эффективно, если бы с Рима загорелся Запад».

И это — плохой дипломат? Да его личность сравнима разве

Тютчев в своих стихах предсказал распад Австро-Венгерской империи, войны Франции и Германии в борьбе за лидерство в Европе, он предсказал Крымскую и, по некоторым признакам, Первую Мировую войны.

«Весь Запад пришёл высказать своё отрицание России и преградить ей путь к будущему», — напишет он во время Севастопольской страды. Думаю, что окажись он в наши дни, увидя на Западе культуру отрицания всего российского, от спорта до оперных трупп, лишь укрепился бы в убеждениях.

И этот клоч сочувствия слепого,

Всемирный клоч

к неустовой борьбе,

Разврат умов и искаженье слова —

Всё поднялось, и всё грозит тебе...

...Велико, знать,

о Русь, твоё значение,

Мужайся, стой, крепись и одолей!

О том, что Крымская война была агрессией Запада с целью ослабить воздействие России на европейские театры, британский историк Алан Тейлор напишет через 100 лет. Фёдор Иванович это понимал ещё до начала самой войны.

Сергей ДМИТРИЕВ

90-летие со дня смерти в Ментоне 26 декабря 1933 г. первого наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского и приближающееся 150-летие со дня его рождения через 2 года диктует повышение интереса к незаурядной биографии этого деятеля. В ходе подготовки автором настоящей статьи книги «Анатолий Луначарский. Дон Кихот революции» в серии «Страницы советской и российской истории» был выявлен в архивах целый ряд неизвестных документов. Предлагаем читателям лишь 8 документальных эпизодов, касающихся взаимоотношений Луначарского со Сталиным, разоблачающих устоявшийся миф, что нарком просвещения якобы был в оппозиции к генсеку, а тот только и думал, как «известить» деятелей «ленинской гвардии».

Следует учесть изначально деловые и товарищеские отношения, сложившиеся у Луначарского со Сталиным с 1917 г., когда они вошли в первый состав правительства Советской России. Эти отношения особо укрепились во время поездок Луначарского в 1919 г. по Юго-Западному фронту, где находился Сталин. Показательной в этом ряду является, к примеру, деталь, что 18 ноября 1921 г. именно Луначарский направил Ленину записку относительно необходимости подыскать Сталину более удобную квартиру в Кремле, и обеспокоенный этим Ленин оперативно принял выяснять у начальника охраны: «Тов. Бельский. Для меня это новость. Нельзя ничего иного найти?».

1. Первое неизвестное письмо Луначарского Сталину от 1 апреля 1925 г. связано с ситуацией, сложившейся после смерти Ленина, когда нарком почувствовал свою отстраненность от дел партии: «Дорогой товарищ, как, вероятно, и многие другие, — я нахожусь в странном положении. Все-таки я числюсь членом Правительства РСФСР, а между тем я ничего не знаю о происходящем в партии. Слухи же носят вихрем, разнородные и противоречивые.

Однако дело не в том, чтобы я просил Вас указать мне путь для действительной информации. Я хочу написать Вам, что я всегда готов исполнить любое парт. поручение искренне и в меру моих сил, скромных, но и недюжинных. При этом я издавна привык считать Вас, среди вождей наших, самым непогрешимо чутким и верить в Вашу стальную «твердую гибкость».

Я не навязываюсь партии. Ей лучше видеть, кого как использовать. Но в большом деле можно забыть то или иное. Напоминаю — Вы можете располагать мною безусловно. С ком. приветом. А. Луначарский».

Это письмо обсуждалось в кругу руководителей партии и могло повлиять на решение Сталина подготовить закрытое письмо местным партийным организациям с разъяснением сущности разногласий в верхушке партии. Оно было принято 26 апреля 1925 г. Пленумом ЦК РКП(б), подведшим итоги внутривнутрипартийной дискуссии, которая развернулась по поводу статьи Троцкого «Уроки Октября». Признание Луначарским Сталина в роли «нового вождя» и готовность «искренне» исполнять его поручения генсек учел и стал в текущих вопросах по большей части наркома поддерживать.

2. А чего стоит история со 100-летием Большого театра... Генсек рекомендовал весной 1925 г. присвоить звания заслуженных артистов дирижеру Н. Голованову, певицам Н. Обуховой и К. Держинской. Луначарский идею поддержал, но должен был согласовать её с председателем ЦК Всероссийского профсоюза работников искусств Ю.М. Славинским — своим давним оппонентом. Тот выступил против, так что нарком вынужден был сообщить Сталину, что лишен возможности выполнить пожелание, которому лично сочувствует. При этом Луначарский направил Сталину письмо-ответ Славинского.

Интересен ответ Сталина: «Уважаемый тов. Луначарский! В дела искусства, сами знаете, я не силен, и сказать что-либо решающее в этой области не смею. Я думаю и продолжаю думать, что Россия ничего не потеряла бы, если бы было присвоено звание «заслуженных» в числе многих других ещё трём безусловно способным работникам искусства. Но, так как профсоюз

возражает, то было бы неуместно настаивать на «присвоении». С ком. приветом. И. Сталин». К письму была сделана приписка: «Вполне присоединяюсь. М. Томский».

Как видим, «диктатор» Сталин сам расписывался тогда в том, что он «не силен» в делах искусства и полностью доверяет Луначарскому!

но с женой, которая «недурно владеет французским и немецким языками».

Ещё одно письмо по этому поводу нарком направил в ЦК 5 марта 1925 г.: «Моей заграничной поездке я очень просил бы придать характер командировки, а не отпуска, тем более, что мне придется проделать за границей весьма се-

3. О положении Луначарского в партийной элите после смерти Ленина многое говорит история с долгим «вымаливанием» им заграничной поездки. Остались документальные свидетельства тех «унижений и просьб», которые ему пришлось испытать, чтобы получить возможность выехать ненадолго в Европу в конце 1925 г. 30 января этого года Луначарский направил «секретное», «личное» письмо «дорогому товарищу» Сталину, в котором констатировал, что он уже 7 лет нигде не выезжал, оказался оторванным от «западноевропейской культурной жизни», отстал от зарубежной «педагогической мысли». Нарком рассчитывал за границей «оживить отношения» с «высоко-талантливыми людьми» типа Прокофьева и Стравинского, которые «не враждебны по отношению к нам». Он сообщил также о проблемах со здоровьем «на сердечной почве», что хочет обследоваться, так как в последнее время недолго лечился только в Боржоме, просил отпустить его на полтора месяца в Германию, Францию и Италию с финансовым содержанием, «не нанося ущерба моему достоинству как члену правительства», без секре-

рётную работу, как по изучению различных сторон культуры, так и по осуществлению уже отчасти начавшихся связей всевозможных культурных сил Западной Европы с нами». Однако нарком в поездке отказали.

3 октября Луначарский, получив право на отпуск, снова обращается в ЦК с просьбой о командировке: «Первым основанием для этого является состояние моего здоровья: усиливаются симптомы артрита, наблюдается расширение сердца и аорты... Ещё важнее однако для меня ориентироваться сколько-нибудь в европейской культуре. Я уже 8 лет оторван от европейской культуры. За это время почти все народные комиссары перебивали за границей. Между тем, культурная работа, которую я веду, особенно тесно связана со всеми проявлениями в культурной жизни в других странах». 15 октября нарком, у которого уже начался отпуск, пришлос опять просить ЦК ускорить решение вопроса, ведь «я до сих пор не имею ответа».

На этот раз Сталин и Политбюро наконец-то вняли мольбам наркома, который, действительно, выглядел в этой истории по сравнению с другими вождями партии

«белой вороной». Видимо, свою роль сыграло и то, что 23 ноября 1925 г. Луначарскому исполнилось 50 лет. Ему удалось тогда посетить вместе с женой Берлин, Париж, юг Франции и Ригу.

4. В год «великого перелома» участились случаи «чисток» по классовому принципу в школах и ВУЗах страны. Получив тревожное письмо шестидесяти учителей по этому поводу, Луначарский сообщил своему заместителю В.Н. Яковлевой 9 февраля 1929 г.: «Боюсь, что в нем много правды и при чистке действительно будет очень много возмутительно-

это не распространяется на лиц, скрывших свое происхождение при поступлении в школу». Увы, это послабление действовало в стране не так долго...

5. Страсти по отношению к писателям-попутчикам явственно прослеживаются в жарких баталиях, которые разгорелись в 1929 г. по поводу М. Булгакова. В письме от 28 февраля 1929 г., адресованном рапповским писателям, Сталин писал: «Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она даёт больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное

СТАЛИН И Восемь неизвестных

го». Менее чем через неделю он обратился к Сталину с письмом:

«Тов. СТАЛИНУ. 15 февраля. Дорогой Иосиф Виссарионович.

Один из самых болезненных вопросов — это вопрос о разного рода «чистках», которые теперь под всякими предлогами и соусами проводятся в отдельных учебных заведениях. То выгоняют детей лишенцев, немедленно после того, как та или другая комиссия лишила данное лицо избирательного права, то вычищают, якобы за сокрытие своих родителей и своего происхождения, в том случае, когда кто-нибудь не упомянул в своих бумагах, что он состоит в родстве со служителем культа, или что он дворянин по происхождению, и т.д. Мы с чрезвычайной строгостью относимся к нашему приему, и в этот раз выше, чем когда-нибудь, подняли процент рабочих. Так во ВТУЗы мы приняли 65% только одних рабочих, не считая крестьян.

Но надо ли тех молодых людей, которые уже учатся без всякой вины с их стороны, и только проблематическую вину родителей — вдруг выбрасывать вон. Лично я в этом чрезвычайно сомневаюсь. Вот почему я прилагаю при сём полученное мною письмо от учителя Муромцева. Писем таких много. Может быть, Вы дадите мне какое-нибудь указание на этот счёт. Должен Вам сказать, что я с некоторым беспокойством отношусь к этим фактам. По-видимому, таким способом мы окончательно отталкиваем к ненависти и к контрреволюции некоторое количество молодежи, которая раз попав в наше учебное заведение — быть может, переделалась бы в нашем духе.

Нарком просвещения А.В. Луначарский».

Надо было иметь настоящее мужество, чтобы в пору «великого перелома» и усиления кампании против «правых» заступиться за детей «лишенцев» — дворян, священников, бывших царских служащих и т.д. За два дня до этого нарком встречался со Сталиным для обсуждения вопросов культуры. Письмо Луначарского нашло поддержку Сталина: уже 13 марта 1929 г. газеты информировали, что «Луначарский распорядился прекратить исключение из школ детей лишенцев и вообще исключение учащихся по социальному признаку. Решение

впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: «если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав своё дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь», «Дни Турбиных» есть демонстрация всепокрушающей силы большевизма».

Об этом письме Сталина сразу стало известно в партийных и театральных кругах Москвы. И понятно желание Луначарского получить у автора разрешение на его публикацию, которое он выразил в своем обращении к Сталину, написанном, по всей вероятности, в середине февраля 1929 г.:

«Тов. Сталину. Уважаемый Иосиф Виссарионович.

Ваше письмо группе Билль-Белоцерковского нашло довольно широкое распространение в партийных кругах, т.к. оно, по существу, является единственным изложением Ваших мыслей по вопросу о нашей политике в искусстве. Не нашли бы Вы возможным разрешить напечатать его в журнале «Искусство», исключив из него некоторые моменты (например, о т. Свицерском и т.д.). Это способствовало бы, в значительной степени, устранению путаницы и разногласий в отношении разных вопросов, связанных с искусством.

С ком. приветом А. Луначарский». Однако Сталин в 1929 г. отказался от публикации своего письма, сказав, что это всего лишь «личная переписка». По-видимому, тогда он ещё не был готов выносить свои мнения в вопросах культуры и искусства на публику. Лишь в 1949 г. он сочтет нужным включить указанное письмо в свое собрание сочинений с некоторыми правками. Сталин подчеркивал в 1929 г. приоритет таланта перед «правильной» идеологической позицией, что отстаивал тогда и Луначарский.

6. А ещё одну неожиданность культурных баталий того времени демонстрирует неизвестное письмо Луначарского Сталину от 12 февраля 1929 г.:

«Дорогой Иосиф Виссарионович. Вы прекрасно помните, что вопрос о постановке пьесы «Дни Турби-

ных» был разрешен в положительном смысле Политбюро три года тому назад. В постановлении Политбюро было сказано, что пьеса «Дни Турбиных» разрешается только для постановки в Москве и только на один год. По окончании года НКПрос, механически выполняя это постановление, воспретил дальнейшую постановку «Дней Турбиных».

Через несколько дней после этого я получил распоряжение Политбюро о разрешении «Дней Турбиных» ещё на один год, что и было исполнено. В начале текущего сезона по предложению Реперткома коллегия НКПроса вновь постановила

я уезжаю завтра в Женеву, то прошу Вас дать указание Варваре Николаевне (имеется в виду заместитель наркома просвещения В.Н. Яковлева — С.Д.), если Вы найдете нужным сделать таковое. Нарком по просвещению».

Луначарский опять выступил, как это было не раз раньше, «добрым рыцарем» по отношению к Булгакову, и в этой связи совершенно несправедливыми представляются звучащие иногда обвинения, что в образе главного врага Мастера критика Латунского Булгаков якобы изобразил в романе «Мастер и Маргарита» именно наркома просвещения.

По возвращении узнал, что мне отказано в просьбе разрешить моей жене полечиться за границей на свой счет, на свою валюту, кот. она может там заработать.

Этим мне наносится глубокий удар.

За что?

Этим выбивается у меня — моей энергии.

Для чего?

Неужели нельзя по-товарищески войти в мое положение? Принять во внимание заявление врачей?

Я убедительно прошу Вас заступиться за меня, выручить меня из положения для меня бесконечно тяжёлого.

Тянуть дальше было нельзя, и в тот же день 2 апреля Луначарскому ответил сам Сталин, проявив тем самым уважение к адресату и, пожалуй, впервые обратившись к нему в письме по имени-отчеству: «Уважаемый товарищ Анатолий Васильевич! Ваше письмо, посланное на мое имя, прочли все наши руководящие товарищи и единогласно признали невозможным удовлетворение Вашего требования. Придется Вам примириться с этим фактом. С комм. приветом. И. Сталин».

Просьба наркома о поездке за границу жены будет еще раз рассматриваться на Политбюро в июле 1929 г. Удовлетворить её товарищи по партии не сочли возможным. Видимо, учли критику, которая постоянно звучала в адрес жены наркома, которую обвиняли в «роскошном образе жизни», а также некую двусмысленность семейной поездки за границу государственного деятеля в год великого перелома. В итоге, Луначарский 12 апреля 1929 г. уехал почти на месяц в заграничную командировку один.

ду, что разговор с вами необходим в настоящее время...

С коммунистическим приветом. Нарком по просвещению А. Луначарский».

В письме нет ни слова об отставке наркома, а есть лишь намек на его «ближайшие действия неотложного порядка». И встреча, о которой просил Луначарский, согласно журналу записей лиц, принятых Сталиным, состоялась через 2 дня, 12 июля. Никаких конкретных сведений о том, как она протекала и что на ней обсуждалось, у нас нет, но похоже, что именно тогда и решился вопрос об отставке наркома. Решился компромиссно: нарком уходит со своего поста, но остается в «обойме» руководства страны на новой должности. Никаких обвинений и претензий к нему не объявляется, ему предоставляется отпуск.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 15 июля 1929 г. было принято решение: «Предредить освобождение т. Луначарского, согласно его просьбе от обязанностей Наркома Просвещения... Предоставить т. Луначарскому 3х месячный отпуск». Сталин выполнил свою договоренность с Луначарским, и 17 июля 1929 г. тот направил ему ещё одно важное письмо, написанное от руки, но на официальном бланке:

«Дорогой Иосиф Виссарионович, во время нашего последнего разговора тов. Молотов сказал, что, в случае решения ПБ уважить мою просьбу, надо будет выбрать такую форму опубликования, которая возбудила бы поменьше нелепых и вредных разговоров.

Вчера я беседовал с тов. С.И. Сырцовым и совершенно согласен с ним, что единственной формой опубликования с этой точки зрения является та, кот. имеет, напр., место в случае тов. Н.А. Милютина, — т.е. опубликование об уходе совместно с новым назначением. Тогда все объясняется пользой служить и пресекаются сплетни и догадки. Поэтому я бы высказался за то, чтобы лучше погодить с опубликованием, пока не выяснится вопрос о моей дальнейшей работе и не будет возможности осуществить новое назначение... Вместе с тем я твердо рассчитываю на то, что на всяком новом месте я буду пользоваться всей той полнотой поддержки партии, которая даст мне возможность развернуть действительно энергичную и целесообразную работу на пользу общему делу.

С коммунистическим приветом. А. Луначарский».

Это письмо подтверждает, что после договоренности Луначарского со Сталиным произошла мирная и спокойная отставка наркома, которую поддержали секретарь ЦК ВКП(б) В.М. Молотов и председатель СНК РСФСР С.И. Сырцов. На заседании Политбюро 18 июля 1929 г. было решено назначить на пост наркома А.С. Бубнова, а Луначарского назначить председателем Учёного комитета при ЦИКе СССР. Сталин исполнил тогда все свои обещания, и в данном случае говорить о каком-либо его иезуитстве по отношению к Луначарскому совсем не приходится. Сталин всячески поддерживал бывшего наркома вплоть до последних месяцев его жизни, согласившись с назначением того в августе 1933 г. полпредом СССР в Испании. Поэтому звучащие до сих пор обвинения вождя народов в «злодейском» отношении к представителю «ленинской гвардии» Луначарскому очень далеки от действительности.

ЛУНАЧАРСКИЙ

ЭПИЗОДОВ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

прекратить дальнейшие спектакли «Дней Турбиных», но Вы, Иосиф Виссарионович, лично позвонили мне, предложив мне снять это запрещение и даже сделали мне (правда, в мягкой форме) упрек, сказав, что НКПрос должен был бы предварительно справиться у Политбюро...

Если Политбюро ЦК изменило свое отношение к «Дням Турбиным» и стоит на точке зрения Агитпропа, то я прошу дать нам соответствующее указание, которое мы приведем в немедленное исполнение. Если этого нет, то я прошу сделать указание Агитпропу, чтобы он не ставил нас и себя в тяжёлое и ложное положение.

Конечно, о соответственном распоряжении Политбюро знают очень немногие в партии, но как должны относиться те, которые знают о нём, когда они читают строки, подобные тем, которые написаны тов. Керженцевым. Нарком просвещения Луначарский».

Получается очень интересная картина: Сталин в письмах и на встречах, хоть и критикует «Дни Турбиных» Булгакова как пример антисоветского произведения, признает его талантливым и полезным. При этом, по разным данным, он от 15 до 20 раз посещает этот спектакль во МХАТе и деликатно по телефону просит наркома просвещения «снять запрещение» этого спектакля, да ещё так, чтобы об этом распоряжении никто не узнал. Что это, как не «тайны мадридского двора», в которых Сталин предстает защитником своих «любимчиков», таких как Булгаков, в сфере драматургии и литературы. После встречи со Сталиным 13 февраля 1929 г. пройдёт всего два месяца, и 11 апреля Луначарский направит ему новое письмо о том, как он выпутался из сложной ситуации с «Днями Турбиных»:

«Т. Сталину. Дорогой Иосиф Виссарионович.

Так как в прошлый раз вы сделали мне нечто вроде выговора за решение без уведомления Вас вопроса о «Днях Турбиных», что сейчас хочу уведомить Вас, что Репертком принял следующее постановление: «Обсудить ходатайство МХАТ и разрешить продолжить спектакль «Дни Турбиных» при обязательном условии снятия этой постановки в будущем сезоне. Так как сам

7.

В апреле 1929 г. Луначарский должен был выехать в Женеву для участия в работе Конференции по разоружению и решил взять с собой жену Н.А. Розенель, которая нуждалась в лечении. Разрешение на выезд за границу могло дать Луначарскому только Политбюро, но многое зависело от позиции лично Сталина. К нему 14 марта 1929 г. он и обратился с личным секретным письмом:

«Дорогой Иосиф Виссарионович.

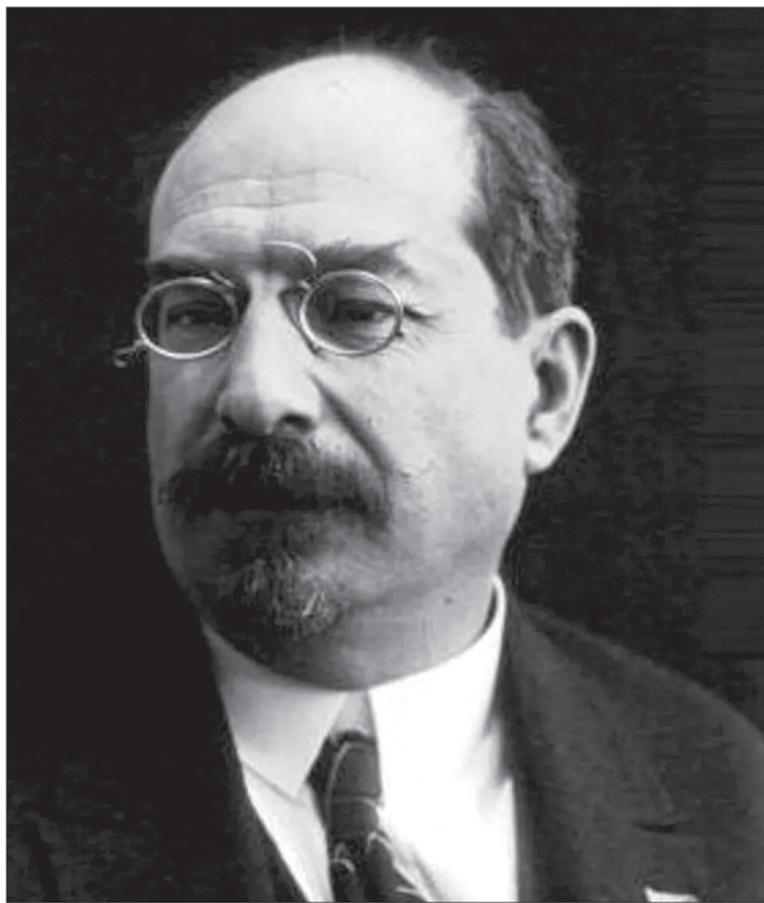
Посылаю Вам копию моей просьбы в Политбюро ЦК и копию медицинского свидетельства относительно состояния здоровья моей жены. Конечно, это дело личное, но я знаю, что Вы умеете принимать во внимание и чисто человеческие обстоятельства частного порядки. Для меня здоровье жены вещь необычайно дорогая и тревога о состоянии её здоровья, конечно, тяжело ляжет на исполняемую мною работу, очень сложную, требующую большого напряжения и известного внутреннего спокойствия. Вот почему я очень нуждаюсь, чтобы Вы, который уже несколько раз поддерживали меня в трудные для меня минуты и на этот раз согласитесь оказать содействие в моей просьбе Политбюро. Ещё раз подчеркиваю, что поездка моей жены не будет стоить государству ни копейки, т.к. моя жена после курса лечения несколько недель будет работать в кино и согласно подписанному контракту получит уже авансом сумму денег, достаточную для покрытия всех её расходов.

С коммунистическим приветом. Нарком по просвещению Луначарский».

Так совпало, что именно 14 марта Луначарский выехал с инспекционной поездкой по Среднему Поволжью и вернулся в Москву только 27 марта, где был огорошен отказом в поездке ему вместе с женой. Это вынудило наркома написать Сталину 28 марта ещё одно личное, довольно эмоциональное письмо, которое, с одной стороны, свидетельствует о глубокой обиде, с другой, об особых отношениях со Сталиным:

«Дорогой Иосиф Виссарионович.

Только вчера вернулся я из Среднего Поволжья. Думаю, что тамошние товарищи подтвердят, что я проделал в целом ряде городов большую работу.

Ведь хочется работать, отдавая все силы партии. А отказ делает меня больным, ушибленным человеком. Я очень жду Вашего ответа. Скомм. Приветом. А. Луначарский».

Это письмо было представлено членам Политбюро, и показательны их резолюции на копии письма: «Чл. ПБ. Поручить т. Молотову разъяснить т. Луначарскому невозможность отменить постановление ЦК. Ст.» Молотов написал: «Прошу не поручать». Ворошилов: «Поручить т. Молотову разъяснить». Куйбышев: «За». Калинин: «Поручить». Томский: «Согласен». А кто-то неопределенный написал: «Предлагаю поручить т. Сталину». Можно видеть, насколько шепетильным оказался вопрос, ведь даже Молотов не захотел на себя брать объяснения с наркомом. Не дождавись ответа, Луначарский 2 апреля вновь пишет Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович, с большой тревогой ожидаю Вашего ответа на моё личное письмо. Очень прошу Вас ответить хотя бы напр. по телефону через т. Товстуху. С комм. приветом. А. Луначарский».

8.

А теперь об отставке наркома, которая назрела после выступлений Луначарского против распродаж музейных шедевров, в том числе из Эрмитажа, и «ломки в Кремле», когда предлагалось снести Чудов и Вознесенский монастыри. После резкой критики Луначарского на заседании Политбюро 4 июля 1929 г. ситуация была сильно накалена.

10 июля, Луначарский обращается с письмом к Сталину с просьбой о встрече:

«Тов. Сталину. Дорогой Иосиф Виссарионович!

Независимо от беседы, которую тов. Молотов обещал иметь со мною и с В.Н. Яковлевой, я настоятельно прошу вас о совершенно конфиденциальной беседе лишь со мною лично и при этом как можно скорей. Мне нужно поставить целый ряд вопросов, связанных с НКП, причём от решения этих вопросов в значительной степени зависят некоторые ближайшие действия неотложного порядка. Тов. Сырцов, с которым я на днях имел беседу, тоже пришёл к выво-

Алексей ШОРОХОВ

Алексей Алексеевич Шорохов родился в Орле в 1973 году. Дед писателя — Флегонт Анфилович Шорохов охранял последнего русского Царя, служил в Лейб-гвардии, Семёновском полку, заслужил Георгиевскую медаль в Первой мировой войне. Отец, Алексей Флегонтович Шорохов, ветеран Второй мировой войны. В 1990 году Алексей Шорохов поступил на филологическое отделение Орловского педагогического университета, затем — Литературный институт имени А.М.Горького в Москве и аспирантура при нём. Член Союза писателей России с 2001 года. С 2004 года — секретарь Союза писателей России. Заместитель главного редактора журнала «Отечественные записки». Его книги переведены на разные европейские языки. В качестве поэта и военкора ездил на Донбасс с 2015 года, выступал перед бойцами. С января 2023 года пошёл добровольцем в отряд спецназначения «Вихрь» Георгиевской разведывательно-штурмовой бригады Союза добровольцев Донбасса. В июле 2023 года в боях под Бахмутом был ранен. Награждён медалями Министерства обороны и Министерства культуры РФ.

Светлодарский госпиталь был переполнен. Бои за Клещевку, Курдюмовку, Андреевку на южном выступе Бахмутского фронта в июле 2023 года шли жаркие. И страшные. Хохол уже начал применять под Бахмутом запрещённые конвенциями американские касетные снаряды. Всё того же натовского 155-мм калибра. И покалеченных стало больше. Среди военных и среди мирняка.

Акимка видел лежащих вдоль стен, на носилках, бойцов, с начисто отрубленными, наспех перебинтованными руками и ногами. Точнее обрубками. У кого больше, у кого меньше. Особенно ноги. Сначала подумал: противопехотные мины. Нет, сказали ребята, арта.

Почти везде и всюду — арта.

* * *

— Выключаем и сдаём сотовые телефоны в ординаторскую!

— Это с какой ещё стати? — беспамятный Макс недобро посмотрел на молодого ординатора в майке с надписью «Ларису Ивановну хачу!».

— Кто-то там не понимает? — вместо ординатора ответил начальник госпиталя, который умудрялся быть во всех местах сразу: и при погрузке тяжёлых на вертолёты санавиации, и на выдаче носилок для размещения вдоль стен вновь прибывших, и вот здесь вот сейчас — при непонятках с сотовыми.

— Тех, кто не понимает, посылаю в пешую экскурсию. Но не туда, куда вы подумали. Здесь недалеко, выйдете из центрального корпуса, увидите.

...Макс с Акимом вышли и увидели развалины соседнего корпуса, подкопчённые, с обвалившимися стенами. Характерные.

— Хаймерс, — без какого-либо раздражения, обыденно произнёс начальник госпиталя из-за их спин. И исчез. Вездесущий и незаменимый.

Больше объяснять не требовалось.

Куча симок, с разной пропиской — Поволжье, Владивосток, Москва — «светилась» в этом корпусе, судя по несмытой дождями копоти, не так давно. Поэтому, куда посылать хаймерс — даже вопроса такого у хохла не возникло. Задача для радиоэлектронной разведки на раз-два. Вот они её и решили...

* * *

— Ну, вроде у меня всё прошло. Голова уже не болит. Рассказывай, что с нами было?

Аким долго и серьёзно посмотрел на Макса, потом, не торопясь, ответил:

— После того, как ты сжёг первый «Леопард»...

Беспамятный Макс недобро посмотрел поднял контуженную голову:

— Я? «Леопард»?

— Ну да, он выкатился как раз из-за той «Брэдли», что мы подбили сначала...

Макс недобро посмотрел и широко, по-доброму улыбнулся:

— Гонишь!

— Конечно, гоню, братишка. Но я уже двадцать рассказ тебе рассказывал, как нас накрыло бомбой.

Макс снова недоверчиво посмотрел. Но уже серьёзней:

— Бомбой?

— Да, бомбой. Хохол отработал американской планирующей бомбой, ребята говорят, прямо в дверь вошла...

Ростовский госпиталь, который, как и луганский сейчас выполнял роль пересылочного, тоже был переполнен. Раненые, которым не нашлось места в палатах, лежали прямо в коридоре, правда, уже не носилках, как в Светлодарске, а на кроватях. Здесь им кололи антибиотики, обезбол, делали капельницы и перевязки, после чего отправляли вглубь страны.

Аким с Максом спустились в церковь, которая находилась в самом госпитале — на первом этаже. Как раз заканчивалась вечерняя служба...

После службы раненые, нерешительно переглядываясь, подошли к батюшке:

— Отче, чудом выжили. Можно нам завтра причаститься?

— Конечно, войны, приходите! К восьми часам.

— Но ведь мы не говели, да и молитвы ко причастию трудно будет вычитать...

Священник, не старый, но уже седой, сухой, с сохранившейся военной выправкой (Аким ещё подумал: точно из бывших, из офицеров, наш брат, военный) пристально взглянул сначала на Макса, потом на Акима.

— Представьте, что одну руку жгут паяльником, а другую слегка покалывают иголкой. Так вот, говение и молитвы нужны тем, кого слегка покалывают иголкой. А вы такое страдание приняли! Поэтому приходите так, натошак, почитайте сами молитвы, которые знаете, от души. Поисповедуетесь и — с Богом!

...Наутро, в переполненном до предела госпитале, в маленьком храме было практически пусто. Пять-шесть сестёр милосердия из сестринства в честь великой княгини Елизаветы Фёдоровны, да трое-четверо раненых, не считая Макса и Акима.

Один был на коляске. Рядом со здоровой левой ногой торчал обрубок правой, ампутированной ниже колена. Парень был молодой, лет тридцать, не больше. Глаза настороженно рассматривали надвратные иконы алтаря. И сам он — как-то тревожно вслушивался. Несмотря на нестарый возраст, большой седой клок волос спускался от темени к покато лбу молодого калеки.

Было видно, что он человек не церковный, и как-то внутренне напряжён. Взгляд его, не останавливаясь, переходил с алтарной росписи на священника, потом на икону праздника на аналое, и опять в алтарь.

— Блаженны милостивые, — читал из алтаря священник, — ибо

они помилованы будут! Блаженны ищущие и жаждающие правды, ибо они насытятся...

— Неправда всё это! Ложь! — Аким вздрогнул, и поднял глаза. В храме повисла тишина.

Священник повернулся к прихожанам и сразу взглядом отыскал сказавшего.

Тот уже резко развернулся на коляске, и катился к стеклянной две-

ри, отделявшей пространство храма от госпитального коридора.

Акимка бросился открыть перед ним дверь, помог выехать, хотел ещё что-то сказать, но инвалид — уже за дверью — громко и зло выпалил: — Видел я этих милостивых и жаждущих правды! Насмотрелся! Досыта...

Вышедшая следом сестра милосердия сказала Акимку:

— Идите, я сама.

Аким вернулся в храм, но через стеклянную дверь ещё долго видел, как парень на коляске что-то раздражённо и горячо бросал сестре, а та молча гладила его по плечу, и — почему-то — плакала.

...Это был Яша.

* * *

Яшу мобилизовали в конце осени двадцать второго. По военной специальности он был стрелком БМП, поэтому пошёл в первую очередь.

Три месяца, которые их гоняли — не прошли даром. Из них сформировали условный батальон «Шторм», условный, потому что он не достигивал до батальона, тем более по штату военного времени. Но три роты — тоже неплохо.

В батальоне оказалось много контрактников, воевавших с самого

начала СВО. Да и командиры, в основном, попались кадровые. Хотя и мобиков хватало. Точно больше половины. Когда в апреле наступившего двадцать третьего года они сели на броню, с провизией и БК, на «Уралах», тащивших арту, со штабными машинами и кунгами связи, и построились в колонну — ниточка вытянулась внушительная.

Яша к тому времени вполне врос в военную жизнь и стрелял, как бог. Так и говорили: снайпер.

Перебрасывали их, по слухам, под Угледар. Он шёл в головной машине, когда они вечером проезжали Стаханов. За городом, на одном из холмов, стояло небольшое село. Яша, ехавший наполовину высунувшись из люка, посмотрел направо и вздрогнул — около одного из последних домов села, на пригорке, стоял старик. Длинная тень от него протянулась в сторону дороги. Старик стоял неподвижно и отдавал честь проходившей мимо колонне.

Без арты, без миномётки, с тремя БМП и одной «мотокошкой».

Под Клещеевкой Яшу и спешили. Можно сказать, подфартило. Бэха стояла без экипажа. И без десанта. За лесополкой. Достаточно далеко от позиций. Командир машины с мехводом и сам Яша сидели метрах в тридцати, на сухом спирте разогревали гречку с тушёной, когда прилетело.

Вражеские дроны под Клещеевкой в июле лотовали всюю. Но этот был как-то особенно сноровист. Сквозь привычный гул передка они и не услышали характерное жужжание в зените. Значит, работал с большой высоты. Значит, мастер. Потому что попал уже первой гранатой. Прямо в люк.

После взрыва вога все взглянули на покинутую машину. Из открытых люков сначала вырвался шлейф дыма, а потом всё нарастающее пламя. Рассматривать его уже никто не стал, все трое, не сговариваясь, скатились в воронку от снаряда.

Через несколько секунд земля вздрогнула, сдетонировал боекомплект. Башню БМП не оторвало, но выворотило набор, как крышку у вскрытой консервной банки. Так Яша оказался в пехоте.

* * *

Зрение в пехоте совсем другое. Когда он впервые со своей группой заходил ножками в посадку, за которой находился их передовой НП, ещё на подходе почувствовал приторный сладковатый запах.

По мере приближения к ЛБС запах густел и становился невыносим.

Яша почувствовал тошноту, сдержался, но ощущение подступающей тошноты ещё долго настаивало его. Особенно, когда глаза видели то, что видели.

Заходили они с умом, «по серому», под утро. Все уже были учёные, дистанция двадцать-тридцать метров. Несли на себе БК, сухпаи, воду. Командование обещало «на пару дней». Обычно выходило на неделю. А то и больше. Все это знали, и несли много.

Светало. Ободранная посадка начинала проступать из темноты, кривые, невысокие обрубки деревьев высотой два-три метра, там, где прокатилась арта, чуть поодаль сохранилось погуще. Там Яша и увидел, откуда шёл запах.

На ветвях, в нескольких местах, висели обрывки людей. Остальное лежало внизу. Судя по всему, это был враг. Но не точно. Шевронов не было видно. А расцветка мультикам, изначально натовская, укроповская, и у наших тогда начинала входить в моду.

Ближе к траншеям запах стал переносим до головокружения. До мотострелков эти позиции, взятые «Вагнером» ещё в январе, а потом опять сданные хохлу — штурмовал «Шторм Z», другими словами, зеки.

Наспех обученные, смелые до беспамятства, бывшие заключённые за обещанное условно-досрочное, за своё возвращение в жизнь не уголовниками, а героями — дрались действительно героически. И глупо.

Добывая утраченные армией позиции, теряя до восьмидесяти процентов личного состава в первом же бою. Они-то и лежали перед окопами и возле блиндажей. Эти семьдесят процентов. Вперемешку с хохлами. Как свежими, так и весенними, оставшимися ещё от вагнеров. Их никто не убирал.

Почему — Яша понял, когда рассветло. Когда началось. И в них полетело всё, что может лететь. Голову

— Равнение направо! — резко и неожиданно для самого себя скомандовал по рации Яша, и сам, вскинув руку к шлемофону, проводил глазами высокую, торжественную фигуру старика.

Все, ехавшие следом за ним боевые машины, где мехводы, где стрелки, пронеслись на скорости мимо и отдавали честь неизвестному деду, вышедшему встречать своих.

— Это Донбасс! — до мурашек по спине осознал тогда для себя Яша.

И не он один.

* * *

Последующие месяцы боёв он запомнил плохо. Просто работал. Выкатывались на бэхе на позиции, отработывали по целям. Ну и ежедневная тягловая работа — подвоз БК, эвакуация трехсотых и двухсотых...

Его бэхе везло, пару раз попадала под стодвадцатые, но прямых не было, а осколки — да, эти броню покрывали, антенну срезали. Даже один экран сорвали. То есть ложилось близко, прямо скажем, вот-вот и... Но везло.

А потом их перекинули на южный фланг Бахмутского направления, под Клещеевку. Уже не батальон. После двух месяцев боёв «Шторм» выкосило до штурмовой роты.

поднять, значило её потерять. С той стороны работала арта, миномётка, время от времени выезжал и отработывал танчик. Коптеры разве что по головам не ходили. И всё по ним. Позиции были пристреляны ещё с весны.

Отходивших мотострелков, которых группа Яши сменила, накрыло почти сразу. Узнавать было некогда, но то, что кого-то тяжело затрещотили — факт.

Крик боли ещё долго стоял в ушах сменщиков. Потом стих.

— Вкололи промедол, — подумал Яша, выкладывая «эфки» и «эргээнки» под бруствер, в специально вырытый паз в стенке окопа. Чтобы дождём не замочило. Да и в бою всегда под рукой.

Но они негодились.

С той стороны отработала «бээмка», положила ровно половину пакета. Ровно.

Почти всё легло в траншею, плюс-минус три-пять метров сзади-спереди.

...Очнулся Яша от резкой боли в рёбрах, застонал.

Глаза не разлеплялись от засорившей их земляной крошки. Он опять взвыл, потому что новый удар — а теперь боец ясно понял, что это удар — пронзил его до головы и пяток.

— Живой, падлюга!

Над ним стоял украинский дэргэшник, с синей повязкой на рукаве и ноге. Рядом раздалось несколько одиночных выстрелов.

— Контрольные, — понял Яша, — добивают раненых.

К ним подошёл командир группы. — Швидче, швидче! — скомандовал он. — Тримайте, його! Дило добре сробили, тепер тикаем, хлопцы, до дому!

Яшу рывком поставили на ноги и, подгоняя дулом автомата в спину, погнали к укроповским позициям. Перед ним толкали ещё одного нашего, но Яша долго не мог понять: кто это?

...Про свой недолгий плен Яша не любил рассказывать. Били. Допрашивали. Потом столкнули в воронку от «урагана», пять с лишним метров глубины. Там продержали двое суток. Оглушённых, избитых. Закаменевших.

С Яшей в плен попал кадровый сержант, контрактник. Позывной «Тротил». Он с января двадцать второго повидал многое, слышал ещё больше. Но не запятисотился, в отличие от многих своих сослуживцев, «ипотечников», как их называли кадровые. Кто пошёл в армию за военной ипотекой, на работу с восьмью до восемнадцати, а не Родину защищать.

Этих в январе-феврале двадцать второго густо отгипило от армейки, побежали в сторожа, в охранники, в офис-менеджеры — при первых же разрывах и потерях. Зато те, что остались — впряглись в эту войну по полной. И тащили её на себе. Они да добровольцы. Да упоротые мобики.

Закаменел — это в большей степени про Тротила. Хохлы поняли, что бить бесполезно. Поэтому и столкнули в яму. Есть не давали. Пить тоже. На дне скопилось сантиметров на двадцать дождевой воды. Жёлтой, растворившей суглинок, вонючей. Её и пили.

* * *

Применение пленным бандерлоги всё-таки нашли. Их отвезли левее Курдюмовки, где хохол уже перешёл канал и рвался к железной дороге. Мешали минные поля. Туда их и запустили.

— Идите к своим, освободители! Всё прямо и прямо. Вас уже зажда-

лись.

И заготовали.

Они и пошли. Первым и чуть правее Тротил. За ним, метрах в пятнадцати — Яша.

Поле заросло негустой травой. К середине июля она уже пожухла, высохла, сквозила на солнце. Пленные шли, напряжённо глядя в глаза под ноги. Первую «азээмку» с растяжкой Яша увидел отчётливо, и перешагнул. Затем обошёл ещё несколько «монок». Странное дело, арта молчала и с той, и с другой стороны. То, что хохлы пилились на устроенный ими цирк, и делали ставки — понятно. Но и наши молчали. Видимо, с передовых НП передали арте. И та напряжённо ждала.

А пленные всё шли и шли.

Тротил ушёл уже далеко, когда сзади металлически щёлкнули сразу несколько затворов. Почти одновременно с выстрелами, раздался взрыв. Засмотревшись на падающего Тротила, Яша почувствовал, как чудовищной силой его рвёт и подбрасывает вверх.

Падая, он не потерял сознания, только зажмурил глаза от удара. Когда открыл, вокруг уже всё гудело, и земля сотрясалась от разрывов. Наша арта навалилась на передней край укропов, и давила нелюдей везде, где могла достать.

Работали «дэ тридцатые». Сто пятьдесят два миллиметра перепихивали то место, где ещё пару минут назад сидели укропы и радовались своей кровавой изобретательности. Теперь кровью умывали их самих.

— Значит, скорректировали арту,

пока мы шли. Молодцы, братишки! Только тут Яша увидел, как из оторванной ноги хлещет кровь. И сразу же почувствовал боль.

Он беспомощно оглянулся вокруг — и не поверил своим глазам. В нескольких метрах от него лежал убитый вэзэушник. Давний. Но в полном обвесе. Рванув полгачавшее тело, Яша перекатился к нему и обшарил.

— Слава Богу!

Турникет был закреплён, как и предполагается, слева, на бронезилете. Яша сорвал его с убитого, быстро наложил на бедро (укроп попался опытный, турникет уже был продет и готов к применению). Яша с трудом сел и судорожно стал поворачивать вертлюжок.

Турникет был с фиксатором, и в этом тоже было везение. Потому что, пережав артерию, на очередном повороте Яша потерял сознание и повалился, отпустив руки. Но турникет уже зафиксировался, держал ногу намертво.

... Забрали Яшу разведчики «Вихря». Как раз на их позиции и выходили пленные через минное поле.

На передовом НП «Вихрей» был сам командир отряда — «Викинг». Он и его бойцы видели всё, что устроил хохол. Затаив дыхание ждали.

Когда прозвучал подрыв и они увидели, что Яша жив, пытаются помочь себе, Викинг приказал кинуть дым и пока наша арта перемалывала передок укропа, отправил разведчиков за раненым.

Дальше у Яши был тот же маршрут, что и у других трёхсотых с южного фланга: Светлодарск, Луганск, Ростов.

В Ростовском госпитале их дорожки пересеклись с Акимом, Максом и Шреком. Все трое были из Москвы (не считая Макса), поэтому решили держаться вместе. Чтобы в один госпиталь, в одну палату. Так и просили заведующего отделением.

Так и получилось.

«Таинственную обретая силу...»

Новой книге известного русского поэта Виктора Кирюшина дано удивительно простое и очень удачное название: «Родное». Взяв в руки сборник, я запасаюсь закладками, чтобы опираться на самые важные цитаты, но вскоре понял, что это совершенно бесполезная затея. В каком смысле, спросите вы? В самом благоприятном! Книга Виктора Кирюшина принадлежит к категории редкостей, когда можно открыть буквально любую страницу и назвать стихотворение удачным. Цитат здесь наберется столько, что их не выписать, не перечислить.

Собственно, о поэзии Виктора Кирюшина коллеги по цеху и ведущие критики России отзываются соответствующе. Вот, к примеру, высказывание Валентина Курбатова: «Надобно ли писать какие-то вступительные слова, когда хочется хватать читателя за рукав и, торопясь, читать вслух, перебивая себя, не докончив строки, потому что душа уже летит к следующей: а это! а это!».

А ведь подобная восторженная эмоциональная оценка (тем более от критиков уровня Курбатова) возникает лишь в тех случаях, когда мы имеем дело с настоящей русской поэзией, не пустотелой, не замаскированной под какое-либо модное направление. Читая Виктора Кирюшина, как никогда осознаешь: вот оно, наше, РОДНОЕ, истинное! Восхищаясь способностью автора видеть РОДНОЕ, мы понимаем, насколько важно РОДНОЕ беречь — а это уже следующий качественный уровень восприятия литературы, да и всей жизни вообще...

Продолжая логическую цепочку: что может быть роднее и значительнее нашей поэзии? А вот тут как раз обозначается печальный парадокс, известный ещё со времен развала СССР и его книгоиздательской системы.

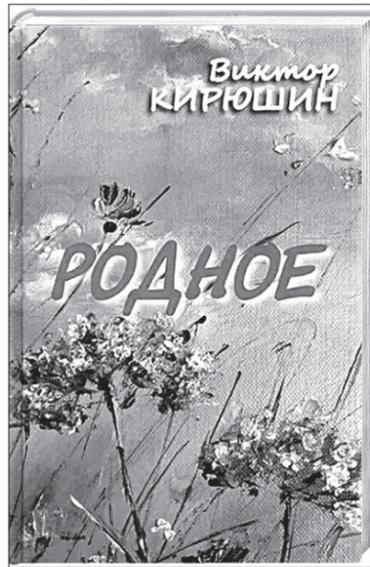
Одной из первых в книге появляется небольшая зарисовка «Поэзию не покупают» — отсылка к типичному разговору в книжном магазине, свидетелем которого, пожалуй, в разное время был каждый из нас. Виктор Кирюшин всегда выдерживает удар, даже такой жёсткий, а затем приходит к спокойному выводу: «Так и живи, поэзия — / Крепость моя бумажная: / Самая бесполезная. / Самая непроданная!»

Кстати, далеко не в каждом случае возникнет желание поверить. Если дочитать книгу Виктора Кирюшина до конца, в написанное верится стопроцентно — он убедителен в суждениях о неизбежности поэзии, её независимости от спроса и предложения. Его «бумажные крепости» точно выстоят и пройдут проверку временем.

Если вчитаться глубже, мы поймем, что вся книга посвящена противостоянию добра со злом, которое проявляется в самых заметных кризисных моментах, как их принято называть канцелярским языком. Отсюда, согласно нашей многовековой традиции, устойчивый сюжет преодоления зла русским человеком, что достигается, конечно же, только с Божьей помощью, воплощенной в молитве, в покаянии, в действенном сочувствии ближнему.

«Кризисные моменты» возникают сплошь и рядом, и зачастую это в первую очередь касается самых поэтов! Далеко ходить не надо. Я прекрасно помню, как в интернете однажды появилась информация о запущенной могиле известного советского поэта Николая Тряпкина, о необходимости

приведения захоронения в порядок. И вот в книге Виктора Кирюшина вижу продолжение поднятой активистами темы — стихотворение «Могила поэта» (памяти Н. И. Тряпкина). «Люди не ходят, а травы

к поэту пришли» — как это больно и тяжело! Но Виктор Кирюшин в любой ситуации даст читателю надежду — в концовке стихотворения звучит с философской точки зрения правильная мысль: «Люди больны, времена безнадежно глухи. / Я бы и сам не поверил в наивные сказки, / Если б не знал, как растут из забвенья стихи — / Чертополох, василёк и аютины глазки». Стихи поэта Николая Тряпкина в той или иной степени востребованы в двадцать первом веке, а захоронение, насколько я знаю, уже облагоустроено.

Думаю, нельзя назвать случайностью, что в настоящее время я с удовольствием возвращаюсь к выдающимся писателям двадцатого века, в свободное время перечитываю произведения и воспоминания Паустовского, Пришвина, Абрамова. Конечно, ведь это наше, РОДНОЕ! Книга Виктора Кирюшина стала для меня прекрасным поэтическим продолжением, подтверждением мысли о масштабах национального наследия. Стоит задуматься над вопросом: а что мы сейчас хотим и можем сказать потомкам?

В нашу эпоху, когда всякая черновая запись, недостойная публикации, легкомысленно направляется в социальные сети в ожидании лайков и восторженных оваций, необходимо осознать дистанцирование, максимальная концентрация на содержании. Виктор Кирюшин, иногда публикующий в сети свои прекрасные стихи и пользующийся заслуженным вниманием, все-таки призывает нас к старому доброму труду с черновиками, рукописями, долгими размышлениями. Заметим, что в трактовке поэта процесс создания произведения неотделим от доверительного общения с русской природой! Хочу полностью процитировать стихотворение, о котором сейчас говорю:

*Пишите от руки
Раскованно и вольно.
Пишите от реки,
От рощи белоствольной.*

*От первого лица
Пишите ночью мглистой,
От первого скворца
На веточке безлистой.*

*В предутренней тиши,
Где свет мерцает влажно,
Пишите от души...
А прочее — неважно.*

Стихотворение закончено, но, зная автора, расшифрую: ещё как важно оставшееся за кадром, имеющее значение для всех уважающих себя поэтов! Техническая правка, расставание со слабыми стихами, нахождение новых уникальных сюжетов, образов, рифм. «Вот и птицы певчие оттеняли, / Стало подмораживать к утру. / Невообразимыми оттенками / Польхает роща на ветру» — читая такие стихи, обнаруживая уникальную рифму «оттеняли—оттенками», у меня не остается никаких сомнений в значительности поэта Виктора Кирюшина, который на протяжении долгих лет верен классической русской поэзии.

Во второй части книги после серьезных размышлений о войне и обретении мира, о разных взглядах поколений и многом другом опубликован цикл стихов для детей «Живые часы», посвященный внукам поэта Демьяну и Фёдору. Такой поворот может смутить, ведь мы уже настроились на определенный лад. Но тут мне представляется появление на устах Виктора Фёдоровича спокойной улыбки, сообщающей о том, что у него все взвешено и продумано. Действительно, цикл имеет дополнительное название «Поэтический календарь русской природы для детей», а значит, полностью вписывается в авторскую концепцию книги. К тому же это вновь своё, РОДНОЕ. Виктор Кирюшин справедливо рассудил, что стихи, адресованные собственным внукам, могут быть полезны и другим детям.

Наконец, последним поэтическим разделом книги стали переводы, выполненные Виктором Кирюшиным с разных языков: грузинского, казахского, сербско-хорватского. Это дань доброй традиции двадцатого века, когда советские поэты щедро переводили произведения, написанные на родных языках бывших республик СССР, стран Европы, ближнего и дальнего зарубежья. Всеволод Рождественский, Михаил Дудин, Семен Ботвинник, Самуил Маршак — вот лишь несколько имен крупных поэтов, постоянно работавших в области перевода. Внес свой вклад, как мы видим, и Виктор Кирюшин.

Завершить мне хочется обращением к стихотворению, которое начинается строкой: «Хорошо быть дающим, труднее просящим». Здесь поэт задает вечные вопросы, ищет ответы с присущей ему философской погруженностью и — не находит. Зато находит грибы, ведь идет он в раздумьях по лесу. А в этом, вероятно, и есть наивысшее благо: «Сколько будет ещё эта книга листая? / Я не знаю... Хожу, собираю грибы».

Если истолковывать сказанное поэтом применительно к созданному, к его собственной книге «Родное», не приходится сомневаться в том, что она будет не просто листаться. Ее ожидает вдумчивое прочтение и самая главная награда — читательская благодарность.

Кирилл КОЗЛОВ,
Санкт-Петербург.

О новой книге стихов Андрея ШАЦКОВА «На этой земле»

ТЯЖЁЛЫЕ ВЕРИГИ — ПОЭТОВ СУДЬБА...

«Как хорошо на свете просто быть! / Всё остальное — мимо, мимо, мимо. / Гулять с собакой, женщину любить, / Когда тебе любовь необходима». Первые строфы стихотворения, которым Андрей Шацков завершает лирический цикл «Дожди над Рузой» в новой книге стихов «На этой земле», ещё не подводят итоги ни жизненному, ни творческому пути автора. Прочтя его полностью, понимаешь, что автор лишь пришёл в такое состояние, когда человек, многое сделав и испытав, осознав многое, приняв всё произошедшее в судьбе, как данность, через слёзы, всё-таки, говорит слова, вобравшие всю его жизнь: «Как хорошо...»

«Как хорошо... что жизнь пришла к концу // Наполненная рифмами, без прозы» — Как хорошо сохранить поэтическое восприятие мира, понимание его смысла на всю жизнь. В творчестве Шацкова, на мой взгляд, безусловный приоритет следует отдать историческому действию, погружающему нас во глубину веков седых, откуда Русь берёт свои начала. Осмысление судьбы Родины от времён ещё до формирования, не то что Православной Руси, но ещё и до княжеской: «...И, крылатой мечтой обуян, Укрываясь средь духов древлянства, Буду мукой весеннею пьян Посреди заповедных полей, Где когда-то

рождалось славянство!»

Славянская тема в творчестве Андрея Шацкова стержневая. Рожде-

ние, укоренение, расцвет Руси, неизменно связаны со стоянием за неё в извечных битвах.

Нас немного,
доживших до славных седин,
Кто в преданиях правнукам
правду расскажет.
Пусть за мною встанёт
твой единственный сын.
Мой единственный
сгинул в полночной страже...»

Однако, при определении Славянской темы, как основной в творчестве Андрея Шацкова, она у него далеко не единственная. Личное, данное от рождения и то, что в жизни обретено, и потеряно, вечное и преходящее время, в котором он живёт, передано нам со всеми пережитыми и любовью, и радостью, грустью и болью. Передано им так, что невозможно не откликнуться на них и своими переживаниями!

В вышедшей книге, включающей в себя ещё несколько циклов стихотворений, предоставляется возможность открывать и новые стороны души поэта, и сопереживать с ним, пишушим уже по прошествии времени о личных трагедиях.

«...Кончается путь, и кончается лес.
Гудит электричка у края погоста
И ангелы машут призывно с небес,
Из горней обители райских чудес.
А может быть,

это почудилось просто

И сын возвращается вечной зимой,
Полночную дверь открывая без стука.
Мы были когда-то единой семьёй,
Теперь он кружит горюном над землёй
И плачет слезой

нерождённого внука...»

И образно, и метафорично, абсолютно не жалея себя... Быть может, кто-то спросит: «Как можно о своём горе так вот, перед всеми? — В себе надо переживать» Да поэт просто не может по-другому! Он мыслит так, он говорит так! У него весь образ жизни, события, и краски, всё, что окружает его, подчинено особым правилам. Он сам часто, будучи лишь по факту номинально на земле, подчинён сферам иным.

Так что, не стоит удивляться и тому, что поэт, обладая таким горьким и счастливым даром, вбирая в сердце своё земные боль и радость, нежность и страдание — не может, открывая его нам не говорить о своей судьбе. Иначе — сердце просто лопнет. Часто же, оно переполненное, само даёт за течью течь, а поэту остаётся вновь и вновь, не щадя его лишь латать больное, ни в коем случае не прося ни жалости, ни пощады к себе.

«...Тяжёлые вериги — поэтов судьба
В России, покрытой

морозною пылью.

Но гордо в щите родового герба
Распластаны лебедя белые крылья!

Именно об этом думает поэт, будучи в Обвстуге, родине великого русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева, а затем, доверяет бумаге свои размышления. Поэзия живёт в тех стихах, которые она сама диктует. Которые записываются пером обмакнутым в сердечные раны. И чем глубже раны, тем алее, горячее кровь и пронзительнее стихи.

Так бывает, когда через стихи, видишь явные и ощущаешь тонкие, движения души автора. При чтении или после прочтения таких стихов, через погружение в их ауру, захочется вдруг, нет — не захочется, а станет просто до боли необходимо откликнуться! Высказать растревоженное, нахлынувшее своё в ответ на промыслительные строки.

Прикосновение к красоте, приближение к совершенству не могут,

будучи увиденными, услышанными, прочувствованными, пройти бесследно. Вот, и отзывается родственная душа на красоту услышанного слова, увиденного образа, принятого на бессознательном уровне таинства стиха.

Прекрасное облагораживает всё, к чему прикоснётся.

Вспомните слова преподобного батюшки Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен и вокруг тебя спасутся тысячи!»

Не следует думать, что сказанное относится лишь к духовной сфере, к богословским понятиям. Мирское, земное имеет те же свойства, те же последствия. Тем более, что поэзия тоже сфера духовная и разглядеть ту грань, что отделяет «земное, в степени духовного» от духовного, ниспосланного свыше, порой вовсе и не удаётся.

В лирике Андрея Шацкова, вся гамма чувств, присущих любви и созерцанию, осмыслению и раздумьям, то переплетаясь, то расходясь, если и не пересказывают судьбу поэта, то, как минимум, отражая периоды его жизни, обращают и носимую им боль в светлую грусть и тихую радость (но никак не в отчаяние, в непроходящее страдание и пристанище скорби душевной!) и приводят автора к неизбежному решению, когда он в стихотворении «Предзимье Рузу погрузило в сон», в итоге говорит себе:

«...Но ты своей души не охолонь,
Опорожив до дна печали кубок.
В печи холодной воскресить огонь
Любви былой —
отчаянный поступок!»

И, обогнавши вьюгу на бегу,
Как было встарь —
когда-то, раньше, прежде, —
Из чёрных будней выбели строку
О вере, о любви и о надежде!»

Геннадий ЁМКИН (Саров).

ПОКУДА Я ЛЮБОВЬ НЕ ПОЗАБУДУ!

Новая, пятнадцатая книга Андрея Шацкова «На этой земле», известного и заслуженно отмеченного значимой планкой наград поэта, издателя, редактора и общественного деятеля, снова с честью отвечает перед читателем по самому высокому поэтическому счёту!

Пристальный взгляд исследователя заметит в ней много ярких проявлений русской словесности, славянской мифологии, сказаний летописного характера, которых коснулось талантливое литературное влияние автора. И всё это поэтическое многоголосье бережно пестует и раскрывает красу его самобытного слова. В этом издании, как и во многих предыдущих, Андрей Шацков выступает и как выдающийся лиро-эпический поэт, поэтический историк, зорко отразивший важнейшие исторические события древности: Куликовскую битву и поход князя Игоря Святославича на половцев, и как проникновенный, чувственный лирик. Это только в мирской реальности и вековой народной мудрости о невозвратности ушедшего

времени — «реки не текут вспясть», а в поэтической реальности вдохновение, что и есть тот самый Божий промысел, может нежданно одарить-озарить не только целостной картиной прошлого, но и предвосхищением тех давних событий:

Ну вот и наша сотня, поутру
Мы встанем с нею около Непрядвы.
И заполощут стяги на ветру
Взыскующих единой русской правды!

И в своей многомерной исторической поэтике Андрей Шацков сходен с незабвенным певцом «Слова о полку Игореве», который отнюдь не гуслиар-импровизатор подобия Бояна, чьи «вещие персты» брошены на струны, как 10 соколов на стаю лебедей, а подлинный поэт-литератор, поставивший народную изустную поэзию на высочайшую ступень письменного искусства слова, чем подарил ей

бессмертие. И наш автор не стремится своей поэзии придать характер поэзии народной, не на этот лад он настраивает струны своей лиры и своей души, он литературно создаёт эту самую народную поэзию, сохранив всю её искренность, красоту, прозорливость и живость.

Книга, наполненная сильной и динамичной энергией слова, «встревоженной крепью» распростёрлась перед читателем, храня «завет отцов из тьмы веков» о величии русского братства: «Во имя грядущей России, / Во славу победного дня!» Выражаясь образным тютчевским языком (предок которого, и он сам упомянуты в этой книге) — «в роковые минуты истории», пропитанные великой человеческой драмой, поэт и гражданин Андрей Шацков не остаётся в стороне, он снова идёт плечом к плечу вместе с воинами России:

Такая случилась забота,
Такая случилась беда,
Что снова уходит пехота
В метели, в туман, в никуда...

И так же, как и Фёдор Тютчев в стихотворении «Русская география» и многих других своих историко-софских произведениях заявлял обоглазности Русской земли и ее великом историческом призвании, Андрей Шацков верит в эту богоизбранность земли нашей, где «качают пращи камня судеб бедовых».

Примером мастерского олицетворения природы предстаёт перед нами подмосковная Руза, заповедный рубеж поэта, где «вся земля — один большой погост! И вся земля — одна большая память...».

Именно Руза слушает и слышит «вязь неоконченных горестных строчек» — слова поминальной, неутолимой отцовской печали о старшем сыне Дмитрие, «журавленке в стае, / Которая крылами, как крестами, / Нас, грешных, напоследок осенит...» Этот тяжкий отцовский крест-ноша белеет во многих стихах этой книги: «Осенняя росстань», «Август в Рузе», «О вечности», «Апрельский псалом», «Прощёное воскресенье» и др.

Руза помнит всех ушедших родных поэта, она вместе с ним печалится, и её саму мучит горестный вопрос:

Уберечь не сумел,
не хотел иль не смог?
Или просто оставила сила?
Мама спит, спит отец,
спит надежда-сын.

Всех укрывала сырая могила
Но нет-нет, и сквозь эти одинокие ночи, когда «на сердце тоски полночной засов» и «бессонницы смертная дыба», сквозь «осенние хмури», сквозь эти беспощадные «отставные декабри», всполохи тревожных костров, снеговей, когда кажется, что вот-вот: «И потянут в былое, назад, / Родовые вериги, /

Словно гирьки от ходиков, / Вставших когда-то бог весть. / И покроются призрачной пылью / Забытые книги — / Те, что я не успел написать / Или просто прочесть», становится слышна воскрешающая, росная, весенняя поступь Любви-Всецарицы! Ведь «без любви не закроется рана», «без любви не наступит весна!» И так бывает, что тогда и приходит новая заря, новые строки и живительная вера в завтрашний день.

Книга «На этой земле», вместив в себя всё напряжение и неутолимость творческого волнения, даёт явственное, до дрожи, ощущение сакрального проникновения автора в своё будущее, предвидение им своего срока, своего часа... И это — одновременно! — и смиренное принятие своего предчувствия как житейской реальности, и состояние почти надмирной глубокой и мудрой созерцательности краткости человеческой жизни. Тем и притягательна поэзия Андрея Шацкова, что она до малой травинки-росинки земная, до стремительного лебединого полёта небесная, до заповедного причастия звёздного венца Вечности промыслительная:

И мне осталось верить в снегопад,
Как верят в новогодних сказок чудо...
Чтоб тихо падал сорок дней подряд,
Покуда я любовь не позабуду!

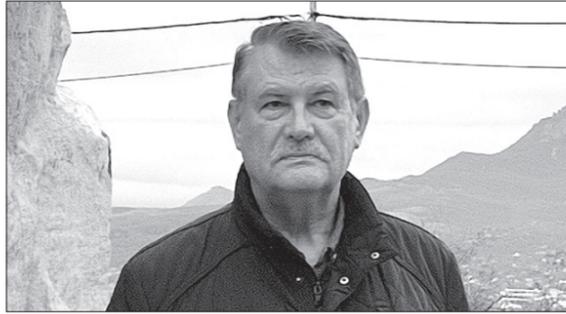
Нина ПОПОВА.

Переводчик – духовный парламентёр

Последние 30 лет рыночного отношения к литературе и процессу книгоиздания в России нанесли колоссальный ущерб межнациональным литературным связям и переводам талантливых авторов с языков народов Российской Федерации на русский язык и современных русских писателей на национальные языки.

Система подготовки переводчиков с языков народов Российской Федерации возобновлена в Литературном институте имени А.М. Горького. Союз писателей России и Совет молодых литераторов СПР ежегодно в рамках всероссийского совещания молодых литераторов в Химках проводят семинары по художественному переводу, подобные школы перевода практикуются и в регионах. Большой вклад в активизацию переводческой деятельности вносят редакции «Литературной газеты» и «Литературной России», устроители всероссийского конкурса художественного перевода «Услышь, Россия, наши голоса», проводимого Советом по национальным литературам СПР, и ряд других инициаторов.

Безусловно, огромным вдохновляющим стимулом для возрождения школы переводчиков послужило начало издания силами Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР) и издательством «ОГИ» в 2022 году серии переводных книг «МестоименЯ»

и публикации переводов в специальных выпусках журналов «Дружба народов» и «Аврора».

Переводческая деятельность — важнейшая составляющая коммуникации литературы и взаимопонимания народов, их культурного просвещения. Вступившему на эту стезю молодому литератору важно уяснить, что переводчик — духовный парламентёр, подвижник народной дипломатии, что его деятельность не просто увлечение, а добровольное и жертвенное служение делу, без которого иссякнут ручьи и реки, пополняющие океан мировой литературы и идей гуманизма.

Из интервью Валерия ЛАТЫНИНА, с сотрудником пресс-службы АСПИР Глебом ГАРАНИНЫМ.

КАШПАЛ-ОГЛУ

Я УСТАЛ БОЯТЬСЯ

Было безоблачным детство моё,
Слово «война»

знал я только по книжкам.
И беззаботное наше житьё
Радость дарило
тувинским мальчишкам.

Шумно плескались в прогретой реке.
Солнце струило лучи золотые.
Степью привольной мы шли налегке
К зрелости будущей в дали иные.

Ныне забыл я про давний покой,
Резко судьба бытие изменила —
Стал я солдатом в семье фронтовой,
С украинцами меряюсь силой.

Редко стихает мой друг-автомат.
Небо-Отец, мать-Земля негодуют —
Рвутся снаряды, деревья горят,
Как одержимые, люди воюют.

Степь обезлюдил и города.
Трупы валяются без погребенья.
В сердце мне когти вонзает беда,
Застит мечты мои чёрною тенью.

Близости смерти бояться устал,
Вида, как вороны жадно пируют.
Много друзей я в боях потерял,
Их вспоминаю и сердце тоскует.

Ночью жестокая схватка была,
Снова — потеря братьев хороших,
Речь их предсмертная душу ожгла,
Став для меня непосильною ношей.

Наперебой пулемёты строчат,
Пули, осколки, как град, бесконечны.
Страшные звуки разрывов звучат,
Землю и судьбы людские калечат.

Перевод с тувинского
Валерия ЛАТЫНИНА.

Сайлыкмаа КОМБУ

ДОЖДИСЬ МЕНЯ

Ты дождись меня,
пожалуйста, дождись...
Лишь цветы раскроют зевы на опушке,
Перепёлки запоют, прольют дожди,
Я приду под окликание кукушки.

Руслам звоны ручейковые тесны!
Буду верной вешней музыке и Музе
И, вослед живой мелодии весны,
Песню радости исполню на хомусе.

Охранимую орлами в вышине
Сказку вызнаю заоблачных утёсов.
Нежно-нежно о тебе и обо мне
Повторю урок ответов и вопросов.
Где на осыпях, на скалах и гольцах

«Земля – и счастье, и судьба»

Переводы стихов национальных авторов

Козы дикие пасутся и архары,
Вижу горы в снежно-розовых венцах,
Вижу, чаю Небом венчанные пары.

Пусть душа
в любовью вызнанную высь
Упорхнула, как испуганная птичка,
Ты дождись меня,
пожалуйста, дождись,

Даже если трудно,
горестно и тяжко...
Перевод с тувинского
Владимира БЕРЯЗЕВА.

Аскер ДОДУЕВ.

КОРШУН

У вершины, закованной льдом,
Коршун чертит по небу круги,
Здесь его родовое гнездо,
Здесь его не достанут враги.

Солнце — путник, бредущий пешком,
Лишь для тех, кто живёт на земле,
А для коршуна в небе живом
Солнце — всадник, сидящий в седле.

Только голода в царстве снегов
Даже коршуну не одолеть,
И тогда завлекает его
Дно ущелья, где падал и смерть.

Пропасть ныне ему выше гор,
Краше светом залитых громад,
И милей, чем небесный простор
Мёртвой плоти назойливый смрад.

Ныне коршун утробой пленён,
И, отвергнув небесную высь,
За добычей легкою он
Как подстреленный падает вниз.

Целый мир перед нами открыт,
Правда, есть упущенье одно:
Тех, чей разум утроба пленит
Ожидает паденье и дно.

Перевод с балкарского
Александра ПРЯЖНИКОВА.

Залина БАСИЕВА

МОЛИТВА

Жизнь не всегда бывает благосклонна
И не всегда на радости щедрна.
Но — есть Господь.
Его любовь бездонна,
Безмерна, всеохватна и мудра.
Господь, Тебе своё дитя доверю:
Убереги его от зла и бед!
Не дай ему узнать ни боль потери,

Ни подлость лжи,
ни горький вкус клевет.

Да не облитым быть
людским презреньем,
Да не продавшим честь свою за грош...
Мои любовь, и слёзы, и моления —
Господь, Тебе! Я верю — Ты поймёшь.

А если вдруг отчаянье накроет,
И крест тяжёлый
выпадет нести, —
Твоя любовь запасы сил утроит,
Твоя любовь унынья грех простит.

Надежды свет даруй ему, Мой Боже!
Не дай сломаться

от житейских бурь,
Будь маяком в пути по бездорожью
И сохрани его души лазурь.

Но если вдруг дитя с пути собьётся,
Соблазнов всех не сможет побороть
И от Тебя в безумье отречётся, —
Прости его и защити, Господь!

Перевод с осетинского
Натали Куличенко.

Алана БЕСТАЕВА

ОСЕТИНКА

Когда я слышу Нартовские песни
Или молитвы, что звучат в тиши,
Скажите мне:
что может быть чудесней,
Что может быть дороже для души?

Когда мне всадник —
величав и светел —
Дорогу уступает на пути,
Ответьте мне:
а есть ли что на свете
Красивей, чем законы осетин?

За то, что я души не чаю в крае,
Что Родиной моей навеки стал,
За то, что мой восторг
почти бескраен

И гимн земле родной поют уста,
За то, что я, мечтой моей влекома,
Стремлюсь к горам —
туда, где воздух чист, —

Я часто слышу от моих знакомых:
«Да ты, подруга, националист!»
Но кровь алан
в моих струится венах,

И предков зов мне слышен сквозь века.
Люблю мой край светло
и неизменно —
Шум горных рек, уступы чёрных скал,

Лугов высокогорных разноцветье,
В папах снежных горную грядку...
Любимый край
один такой на свете —
Он властелин моих девичьих дум.

Я — дочь твоя, Осетия родная!
...Когда ж меня накроет Вечный сон,
Прошу — чтоб ТАМ

была бы не одна я —
На памятнике выбейте «ИРОН»...
Перевод с осетинского
Натали Куличенко.

Фания ГАБИДУЛЛИНА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЕМЛЯКА

Под жаворонка песню раскачались
И расшумелись добрые хлеба.
Шагал крестьянин,
тем хлебом начальник,
Ему земля — и счастье, и судьба.

Но в чёрный день
к полям его Отчизны
Фашистских полчищ ринулась орда,
Свободу вырывая вместе с жизнью,
Как будто ломать хлеба изо рта.

Пусть ветер свежий
в комнате играет,
И боль тогда утихнет, замолчит.
И городские улицы, бывает,
Способны наши раны залечить.

А если вдруг и нация без силы,
И в духоте её сознание спит,
Откройте окна, в этот сумрак хилый
Пусть свежий ветер
радостно влетит!

Откройте окна, чтобы полной грудью
Дышал народ, впустите солнца свет!
Народу тоже свежий воздух нужен,
Без воздуха на свете жизни нет!

Перевод с татарского
Алёны КАРИМОВОЙ.

Магомед АХМЕДОВ

ПОЭТ АУЛА

«Я последний поэт деревни»
С. Есенин.

Осиротели ныне небеса,
Покинутые гордыми орлами.
И горы не являют чудеса —
Исчезли туры, не ужились с нами.

Поверженным врагам
куска не жалко,
Пусть поедят с натруженной руки,
Но с теми, кто на землю
смотрит жадно,
Готовы насмерть биться земляки.

Недавно серп державшими руками
Винтовки взяли, но страшна война:
Гляди, как на могильном белом камне
Кровоточат погибших имена.

Мой добрый край не ранили гранаты,
Не рвали землю бомбы на куски,
Но в наших душах мертвые солдаты
На память завязали узелки.

Они кровоточат, не заживают...
Как будто духи предков из огня
Взывают к тем, кто их не забывает,
И совестью, и разумом храня.

Мы кланяемся славными делами
Герою, что в сраженьи уходил —
Вот он с горы любит полями,
Которые в бою освободил.

И смотрит вдаль
отцовскими глазами,
Уставшими от ратного труда —
Он уходил, земли своей хозяин,
Как памятник вернулся навсегда!

Перевод с башкирского
Айдара ЕНИКЕЕВА.

Рифа РАХМАН

Откройте окна свежести навстречу,
Пусть воздух улиц
в дом проникнет к вам,
Бывает так, что нас порою лечит
И уличного воздуха бальзам.

Он нужен нам, когда душа в тревоге,
Когда заносит тело, заболит,
Когда кого-то
с дальней ждёшь дороги,
А он к тебе явиться не спешит.

Когда лучи в окно направит солнце,
Как будто в дом
впустит попросит их,
Когда с небес — из синего колодца —
Сбежали облака надежд твоих.

Когда уходит, чтобы не вернуться,
Тот человек,
с которым жизнь прожил...
Откройте окна —
пусть ветра взметнутся,
И дух исчезнет, если след простыл!

Мой Дагестан, родимая земля,
Орлы твои покинули просторы,
Оставив небеса для воронья,
Без туров сиротливой стали горы.

А я — последний в Гюнода* поэт,
Но мне не стыдно
в этом признаваться,
В ауле появился я на свет
И после смерти здесь хочу остаться.

Под трепетными косами берёз
Вилась тропинка моего мужанья,
В тени зелёных шелестящих кос
Засну навечно
под могильным камнем.

К моей могиле прилетят орлы
И туры к чистым родникам
вернутся.

О, Дагестан, слова мои светлы,
Они из сердца, любящего, льются.

Поэт аула — искренний твой сын
И мне молчать стыдливо
не пристало:
Пусть вновь орлы парят среди вершин
И туры свадьбы
празднуют на скалах!

*Аул, в котором родился поэт.
Перевод с аварского
Валерия ЛАТЫНИНА.

Эльмира АШУРБЕКОВА

ЗЕМЛЯНКА ПЕТРА I

Титан, окно в Европу прорубив,
Решил открыть
Каспийские ворота.
Он расширял историю, взвалив
На плечи непомерные заботы.

Когда Дербент
приветствовал Петра,
Землетрясеньем горы возвестили,
Что наступает новая пора
Во всём своём величии и силе.

А сам к себе был император строг,
Об этом знаем мы не по легенде —
Он, как простой солдат,
ютится смог

В землянке,
сохранившейся в Дербенте.

Достоин удивленья прав Петров:
Мир мал ему, но впору — тесный кров.
Перевод с табасаранского
Владимира СОРОЧКИНА.

Виктор ЛИННИК

(Окончание. Начало в № 11/2023)

О феноменальной музыкальной памяти Рахманинова ходили легенды. Однажды в дом к учителю Рахманинова С. Танееву пришёл композитор А. Глазунов показать свою новую симфонию, которую ещё никто не слышал. Прежде чем пригласить гостя к роялю, хозяин тщательно закрыв все двери. Глазунов исполнил первую часть своего нового произведения, после чего Танеев пригласил к ним Рахманинова, сидевшего в соседней комнате. Сергей Васильевич сел за рояль и исполнил только что сыгранное им сочинение! «Где Вы познакомились с симфонией? Я её никому не показывал!», — вырвалось у изумлённого Глазунова. На что Танеев поспешил его успокоить, сказав, что Рахманинов сидел в другой комнате и на слух повторил только что услышанное произведение. Впрочем, эту феноменальную часть своего дарования Рахманинов впервые обнаружил в возрасте четырёх лет, когда его мама заметила, что малыш, не пропуская ни ноты, повторяет услышанную от неё мелодию. Это и побудило её начать музыкальное образование маленького гения.

Рахманинов вырос в музыкальной семье. Дед его, Аркадий Александрович, учившийся у Джона Фильда, был пианистом-любителем и композитором. Несколько его сочинений было издано ещё в 18-м столетии. Отец великого композитора, Василий Аркадьевич Рахманинов, был человеком исключительной музыкальной одарённости. Мать Сергея Васильевича была первым педагогом Серёжи по фортепиано, хотя, по его признанию, уроки с ней доставляли ему «большое неудовольствие». Но четыре года он уже мог бегло играть в четыре руки со своим дедом.

«За сильнейшие музыкальные впечатления детства я должен благодарить свою бабушку», — вспоминал Сергей Васильевич. На каникулы бабушка-генеральша Софья Александровна Бутакова, глубоко верующая женщина, забирала внука к себе в Великий Новгород, возила его в церковь, причащала, возила его в монастырь, где был хороший хор. Там мальчик впервые услышал о канонах осмогласия — «ангельского пения» в кварту, как называли его на Руси.

В доме бабушки он часто слышал старинные песни и канты, которые та знала на память. Познакомился Серёжа и с собирателем русских былин, гуляром Трофимом Рябиным. А по утрам мимо бабушкиного дома пастух гнал стадо, играя на берестяной жалейке.

И, конечно, колокольные звоны. Недалеко от бабушкиного дома был храм Феодора Стратилата, и знакомый пономарь разрешал Серёже подниматься на колокольню. Он очень скоро стал разбираться в звонах, названиях колоколов, отличать их по голосам.

Родные, друзья, учителя, знакомые, простые и великие — десятки людей участвовали в становлении уникальной судьбы юного Рахманинова. Первые композиторы империи и безвестные крестьяне в Ивановке, учителя и однокурсники, монахи монастырей, меценаты и женщины, в которых он влюблялся! Вся Россия!

Даже с таким непростым делом, как женитьба, Рахманинова выручали свои, приятели! Почему непростым? Потому что венчать двоюрод-

ных брата и сестру — а именно в таком родстве были Сергей Рахманинов и Наталья Сатина из Рюриковичей, утративших княжеский титул, — закон церковный и гражданский запрещал. Молодые направили прошение государю с просьбой разрешить брак, тем более что они уже три года как были помолвлены. Но дожидаться ответа не стали, прибегли к услугам знакомых офицеров и обвенчались в казарменной церквушке на окраине Москвы. Зилоти и виолончелист Брандуков выступали в роли посаженных отцов. Уже после свадебного путешествия был получен долгожданный ответ от императора Николая II: «Что соединено Богом, не людям разлучать». Рахманиновы счастливо прожили вместе более тридцати лет, родив троих детей. Жена и впрямь оказалась человеком удивительной доброты и преданности.

Ивановка, Тамбовская область. Ноябрь 1980 года. В Тамбове медленно, нехотя, в бледных сумерках, догряет поздняя осень. Окна гостиницы глядят на белую, в дождевых подтёках, монастырскую стену, у которой в 1921 году расстреливали участников «антоновщины», крестьянского восстания против большевиков.

На улице сечёт холодный дождь, день из тех, когда за порог собаку не выгонишь. Собранный в клубе народ отстранённо, с прохладцей слушает двух представителей «Правды» — известного в ту пору фельетониста Илью Шатуновского и вашего покорного слугу, международного.

Вечером Илья Миронович, плотный мужчина с мясистым носом и густым голосом, вспоминает: на фронт ушёл 17-летним добровольцем, в 42-м попал в котёл в Воронеже. «Хрущёв с Мехлисом всё прос...ли.

В уличных боях меня ранило, лежу на земле и плачу: вытащит кто-нибудь или нет? Вытащили. До конца войны воевал стрелком-радистом».

«Стреляный воробей», как он себя называл, Мироныч вошёл в историю советской журналистики хлесткими фельетонами и острой публицистикой, которая убеждала читателей, что автор и швец, и жнец и на дуде игрец. Мог пригвоздить к позорному столбу заокеанских поджигателей войны или дать острастку советским «звёздам», которые заелись и откровенно нарушали «моральный кодекс строителя коммунизма».

Назавтра хозяева предложили нам посетить Ивановку, имение Рахманинова. Приветливые сотрудники скромного, в четыре-пять комнат, музея, восстановленного в 40-е годы, рассказывали, как любил Рахманинов Ивановку, как был счастлив здесь, где родились обе его дочери и где ему работало так хорошо, как больше нигде в мире.

— Вещи в музее подлинные? — спросил я у милой сотрудницы, представительницы славного племени музейщиков.

— Частично. Просили жителей вернуть что у кого осталось после гражданской войны, когда имение разграбили. Кое-что принесли. Но потом была война, времени прошло много, сами понимаете...

— Понимаю. А имение сожгли? — Да, — сотрудница отвернула глаза.

В 1917 году последние месяцы в Ивановке были для Рахманинова

тяжёлыми. «Уезжал бы ты, барин, отсюда, — говорили ему местные старики. — От греха подальше. Нероён час...».

Усадьбу какое-то время занимал отряд социалистов-революционеров с хмельными матросами

от родных пажитей по своей, а чаше и против своей воли.

Кто-то замолкал на годы, как Рахманинов, ибо его творчество питала сила земного притяжения России. Всего шесть крупных произведений написал или закончил он за годы пребывания на чужбине (1918—1943) — смешная для него, вечного труженика, производительность, в былой жизни он столько мог написать за год. Обложённый контрактами, загнанный гастролями на годы вперёд, он поневоле втянулся

провала премьеры 1-й симфонии в Петербурге. Неудачу объясняли по-разному: неготовностью петербургской публики воспринять московский стиль, дирижёрством композитора Александра Глазунова, которому то ли не хватило репетиций разобраться в сложной партитуре, то ли он, разнервничавшись, принял перед премьерой больше обычного (а за ним, по свидетельству жены Рахманинова, эта слабость водилась). А пока лечение Рахманинова у гипнотизёра Даля шло успешно, он влюбился в его красавицу-дочь по имени Лана, которая вскоре стала добрым гением всего рахманиновского семейства.

Она помогла семье Рахманинова получить визы на выезд из России в 1918 году. Через несколько лет сама переехала в США. Когда на концертах Рахманинова стали появляться букеты белой сирени, жена композитора поняла, что Лана рядом.

Когда Рахманинов был при смерти и лежал в своём доме в Беверли-Хиллз в последние дни марта 1943 года, жена Наталья Александровна послала шофёра за Ланой. Она приехала, вошла в комнату и приблизилась к изголовь умиряющего. Вдова призналась потом детям: «Я хочу, чтобы вы знали: я была не единственной в сердце вашего отца».

Сергей Рахманинов. ПРИКОСНОВЕНИЯ

под водительством черноволосых интеллигентов со сверлящими взорами, в пенсне и в чёрных кожаных куртках. Потом Ивановку сожгли. Не остановили поджигателей и добрые в прошлом отношения Рахманинова с крестьянским миром (в честь удивительного выздоровления обеих его дочерей композитор некогда подарил общине 209 десятин своей земли).

И у Александра Блока в те же месяцы сожгли в Шахматово библиотеку, о чём он с печалью поведал Маяковскому. А уж сколько в те годы полыхало по стране имений, усадеб, фабрик и прочих концессий, не сосчитать.

Но тамбовские — народ особой крутости. Не случайно всего через четыре года после революции 17-го года мятежная губерния преподнесла сюрприз уже новой власти — крупнейшее крестьянское восстание, а заодно и его вожака в лице эсера и политкаторжанина А. Антонова.

После Антоновщины и Кронштадта советской власти пришлось срочно выворачивать на НЭП...

Но это было уже после отъезда Рахманинова из России, где оставалась его душа. Хотя он больше никогда не вернулся в Ивановку, она оставалась для него родным краем, центром земного притяжения, местом, где он был счастлив.

«Ностальгия» — слово почти банальное, когда речь заходит о русских эмигрантах разных поколений и стран, оказавшихся вдали

в то, что в Америке называют «крысиными гонками»: жизнь в кредит, непрерывные концертные туры, записи на фирме «Виктор», приглашения дирижировать лучшими оркестрами мира. Он нарасхват, он всем нужен, потому что приносит огромные деньги. Да, он строит прекрасный дворец в немецкой части Швейцарии, называет его «Сенар» по первым слогам имён Сергей, Наталья. Буква «Р» в конце из фамилии.

Доктора, замечая, как он, вечный заядлый курильщик, устаёт от своего бешеного ритма жизни, советуют ему переехать туда, где «потеплее». Он покупает роскошный дом в Беверли-Хиллз рядом с Голливудом, высаживает там берёзки и общается только с русскими. Прислуга, водитель, охранник, помощники, адвокаты — все вокруг него с русскими корнями, все свои, начиная с врача князя Голицына. В семье всю жизнь говорили только по-русски.

ЛИЧНОЕ. ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

Рахманинов легко влюблялся и смолodu, и в зрелую пору. В Веру Скалон из генеральского семейства с пятью дочерьми — ещё совсем юным. В Лану, дочь психолога и гипнотизёра Даля, который излечил его от депрессии.

История с Ланой — оказалась историей всей его жизни. Он встретился с ней в 1897 году в пору лечения от депрессии у гипнотизёра Даля, её отца, после громкого

Крейслер и Рахманинов исполнили сонату Франка в «Карнеги-холле». Скрипач играл без нот и... вдруг память подвела его уже в первой части! Крейслер подошёл ближе к пианисту и заглянул в ноты, пытаясь найти тот такт, где он мог бы «поймать» партнёра. «Где мы?! Где мы находимся?!» — шёпотом взмолился скрипач. — В «Карнеги-холл», — не переставая играть, так же шёпотом ответил композитор.

Такие шутки всегда подчёркнуто серьёзного и нередко даже сумрачного Рахманинова были очень в его духе. Однажды на каком-то домашнем концерте он присел к краю в последнем ряду. Знаменитый Шалляпин исполнил вещь, специально написанную его закадычным другом Рахманиновым по торжественному поводу. В одном месте голос певца сорвался. Он повторил кусок и вновь споткнулся. Знаменитый бас ничего не мог понять. Взглянув в партитуру, он понял, что Рахманинов написал ему ноту, которую бас заведомо не мог взять. Шалляпин, известный своей недожиданной силой, в гнев схватил стул и грохнул его об пол что было мочи. Хорошо, что не об Рахманинова, иначе дело могло бы кончиться увечьем.

«ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!»

Когда он только переехал в США, один музыкальный критик спросил, почему он так скромно одевается. Сергей Васильевич пожал

плечами: «Меня всё равно здесь никто не знает...» Прошли годы. Пришла слава, выросли гонорары. Тот же критик поинтересовался, почему маэстро не стал одеваться лучше. «Зачем? — удивился Рахманинов. — Меня и так все знают...»

«Я русский композитор, — говорил о себе Рахманинов, — моя Родина определила мой темперамент и мировоззрение. Моя музыка — детище моего темперамента, поэтому она — русская».

РУССКИЕ ЛЮДИ НА ПУТИ ЭМИГРАНТА

Популярность Рахманинова растёт, его знакомства ищут лучшие люди России. Он познакомился и подружился с Чеховым, Горьким, Куприным, Буниным, «При первой встрече с ним в Ялте, — вспоминал потом Бунин, — произошло между нами то, что бывало только в романтические годы молодости Герцена, Тургенева, когда люди могли проводить целые ночи в разговорах о прекрасном, вечном, о высоком искусстве. Впоследствии до его последнего отъезда в Америку, встречались мы с ним от времени до времени очень дружно, но всё же не так, как в ту нашу встречу, когда, проговорив чуть не всю ночь на берегу моря, он обнял меня и сказал: «Будем друзьями навсегда!»

В 1911 году молодая начинающая певица Ксения Держинская упростила Рахманинова, которому случилось быть в Киеве, послушать её. Композитор остался доволен талантом девушки и предложил ей выступить на завтра в его концерте. Она с успехом исполнила «Это хорошо» и арию Ярославна. Доброе напутствие, которое дал ей Рахманинов, сыграло свою роль: Держинская стала впоследствии солисткой Большого театра, народной артисткой СССР и лауреатом Сталинской премии...

1 ноября 1918 года Рахманинов вместе с семьёй отплыл из Норвегии в Нью-Йорк, где был встречен с огромным интересом. Американская публика помнила его по гастроллям 1909 года. Начав бурную концертную деятельность в США как пианист, Рахманинов не прекращал её вплоть до своей смерти, давая по многу десятков концертов за сезон. Популярность Рахманинова как пианиста была огромной.

Покидая Россию в 1917 году — как оказалось, навсегда — Рахманинов опустил на колени и поцеловал землю своих пращуров. Категорически не приняв новую власть большевиков, он остался со своим народом и старался, чем мог, облегчить участь соплеменников.

Он и на чужбине работал во славу русского племени: каждое его произведение, каждый концерт (а он давал их сотнями в год) вызывали у слушателей и зрителей из числа соотечественников чувство гордости за свою страну и за её таланты. Вспомнить хотя бы Игоря Сикорского, выдающегося авиаконструктора и друга Рахманинова, на чьих вертолётах до сих пор летают американские президенты.

Рахманинов, несмотря на славу и многочисленные приглашения, враждался, в основном, в среде русских эмигрантов, окружил себя русскими друзьями и русской прислугой, предметами, напоминавшими о Родине. По воспоминаниям родственников, только общаясь с русскими, он был весел и доволен. За все годы в эмиграции у Рахманинова почти не было друзей-иностранцев, одним из немногих

исключений был Фредерик Стейнвей — глава фирмы «Стейнвей и сыновья», производитель роялей, который подарил композитору прекрасный инструмент своей фабрики.

В 1941 году закончил своё последнее произведение, многими признанное как величайшее его сочинение, — «Симфонические танцы». Это произведение было самым любимым и для самого Рахманинова.

«Я ВЕРЮ В ВАС И В ВАШ САМОЛЁТ»

Рахманинов выступал на благотворительных концертах и в США, и в Европе, оплачивал учёбу личных стипендиатов, помогал соотечественникам устроиться на работу, обеспечивал заказы художникам и скульпторам, покупал русскую живопись. Он входил в благотворительные организации, помогающие русским студентам-эмигрантам во Франции и Германии, передавал выручку от концертов на помощь бедствующим русским музыкантам, переводил деньги на конкретные адреса. Например, изобретателю Игорю Сикорскому.

Сикорский жил в Нью-Йорке и фактически нищенствовал. Самолетами в то время мало интересовались: в Америке был кризис. Свои первые самолёты Игорь Иванович конструировал буквально в курятнике. Денег не было совсем.

Однажды Сикорский оказался на концерте Рахманинова в Карнеги-холле. После концерта он в восторге прибежал за кулисы с цветами и... попросил помощи. Рахманинов его узнал, расчувствовался: «Я верю в вас и в ваш самолёт и хочу помочь!» И, не раздумывая, подарил ему весь гонорар за своё выступление — 5000 долларов в конверте: «Вернёте, когда сможете!» (По другой версии, композитор просто купил на 5000 долларов акции компании Сикорского и согласился стать её вице-президентом. Рискованная финансовая операция со временем себя оправдала: конструкторское бюро Сикорского скоро набрало обороты, и изобретатель смог вернуть деньги даже с процентами).

«Хотя я в величайшем восхищении от американской нации, её правительства и общественных институтов и глубоко благодарен народу Соединённых Штатов за всё, что он сделал для моих соотечественников в тяжкие годы их бедствий, я не считаю возможным отречься от своей Родины и стать при существующей в мире ситуации гражданином Соединённых Штатов». Так Сергей Васильевич ответил на предложение американцев 28 января 1926 года помочь властям «американизировать» русских эмигрантов.

Рахманинов умер 28 марта 1943 года в Беверли-Хиллз, штат Калифорния, США, не дожив трёх дней до своего 70-летия. Похоронен на кладбище Кенсико близ Нью-Йорка. Из воспоминаний его вдовы известно, что «гроб был цинковый, чтобы позднее, когда-нибудь, его можно было бы перевезти в Россию».

В марте 1943 года родственники композитора похоронили его в цинковом гробу в надежде когда-нибудь отправить его прах на родину в Россию. Несколько лет назад представители Фонда Рахманинова отказались от этой затеи, сообщив, что волей почившего было погребение именно в США.

Лет десять назад наш известный пианист Денис Мацуев обратился

к президенту России с просьбой выкупить в российскую собственность поместье Рахманинова в Швейцарии под названием «Сенар». Благое дело совершил Владимир Путин, вернув России часть её национального достояния.

«Я ПОТЕРЯЛ САМОГО СЕБЯ»

Расставание с Россией стало для Сергея Рахманинова кровотокащей раной, оправиться от которой он не мог до последних дней.

По природе замкнутый, чувствительный, склонный к депрессиям, он первое время за границей вообще не общался с иностранцами, окружил себя исключительно русскими людьми и на контакт с «внешним миром» практически не выходил. Ему было больно и тяжело.

Отъезд разделил его жизнь на две половины не только географически, но и творчески: за 25 лет в России композитор создал 3 концерта, 3 оперы, 2 симфонии, 80 романсов, поэмы «Колокола» и «Остров

составлял списки нуждающихся, и члены семьи. Остальным маэстро казался замкнутым снобом, не стесняющимся заирать планку гонораров, подписывая очередные контракты. Знал бы кто, куда шли эти гонорары...

Особенно любил Рахманинов перезвон новгородского Софийского собора. «Звонари были артистами, — вспоминал он, — четыре ноты складывались во вновь и вновь повторяющуюся тему, четыре серебряные плачущие ноты, окруженные непрестанно меняющимся аккомпанементом... Несколько лет спустя я сочинил сюиту для двух фортепиано... — мне вновь запел колокол Софийского собора».

Друг Рахманинова композитор Александр Гедике писал: «Он очень любил церковное пение и частенько, даже зимой, вставал в семь часов утра и уезжал в Андроников монастырь, где выстаивал в полутемной огромной церкви целую обедню, слушая старинные, суровые пес-

мертвых», «Литургию св. Иоанна Златоуста», «Всенощное бдение» и многое другое. А уехав, на много лет замолчал. Всего в эмиграции он написал 6 произведений, причём 4 были начаты ещё в России.

«Лишившись Родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остаётся желания творить, не остаётся иных утешений, кроме нерушимого безмолвия... воспоминаний», — писал он.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

В Америке ему предлагали место главного дирижёра двух лучших американских оркестров, но Рахманинов решил отказаться от карьеры дирижёра. Зато Америка рукоплескала ему как пианисту-виртуозу. Он играл превосходно! Вначале ему платили гонорары как обычным гастролерам — по 500 долларов за выступление. Но скоро стали платить 1000, 2000, 3000 долларов...

В 1922 году Рахманинов смог купить особняк на берегу Гудзона. И начал примерно треть своих заработков отдавать на благотворительность. А началось все с тех самых посылок с мукой и сгущенкой для знакомых и незнакомых — всех, кто попросит. О масштабах помощи, которую оказывал Рахманинов, знал только очень узкий круг лиц: личный секретарь, который переводил деньги, человек, который

ношения из Октоиха, исполняемые монахами параллельными квинтами. Это производило на него сильное впечатление».

Проститься с великим сыном русской земли мне удалось, поклонившись его праху за многие тысячи вёрст от родины, в городке под названием Кенсико под Нью-Йорком на атлантическом побережье США, где он был погребён в марте 1943 года.

КЕНСИКО, ВАЛХАЛЛА: ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Март 1989 год. Нью-Йорк. Утро, когда мы двинулись в Кенсико, что километрах в 50 от Нью-Йорка, было зябким и облачным. Забрал машину из гаража за углом. Мексиканец Виктор, шустрый и улыбочивый сторож, бросил «Хай, Вики!» и начал обычную «игру в пятнашки»: выгонял по очереди две-три машины наружу, иногда и больше, потом загонял их внутрь, чтобы добыть для клиента его авто.

Из единственного подъезда 40-этажного дома на углу 72-й и Йорк-авеню уже выходило моё семейство: жена с дочерью Машей и моей сестрой Мариной, прелевшей из Москвы в гости. Тогда знойные лучи разрядки неожиданно растопили долгое советско-американское недоверие, и нам разрешили прежде неслыханное — приглашать к себе в гости родню.

Рядом с подъездом грела мотор тёмно-зелёная машина «сопрово-

ждения» ФБР, в которой, как обычно, было двое или трое «сопровождающих».

Бьющее в глаза богатство Америки, как правило, заканчивалось на границе частного и государственного. Федеральные, то есть государственные здания (почта, суды) в самой богатой стране мира выглядели, как правило, неказисто. Школы общественные смотрелись немим укором на фоне частных.

Так же — во всяком случае, лет 30 назад — обстояли дела и с такой важной для Америки организацией, как Федеральное бюро расследований (ФБР), которое в отличие от ЦРУ следит за порядком внутри страны. Машины у них были вечно заезженные, с запредельным пробегом, явно умоляющие о регламенте. Ребята, работающие в этой конторе, не очень-то тянули на Бонда в исполнении шотландца Шона Коннери. Одетые чуть ли не бедно, со стёртыми, невыразительными лицами, они, казалось, не высыпались годами. Неправда, что в разведку берут красавцев, вроде Штирлица. Нет, в топтуны и сыскари подаются людишки с незапоминающейся, невнятной, почти неразличимой внешностью.

Воскресная дорога, да ещё в ранний час, была почти свободной. Но с вечера мне, как плохому студенту перед экзаменом, всегда не хватало двух часов, чтобы посмотреть маршрут предстоящей поездки. В конце 80-х о навигаторах в США ещё не слыхивали. Поэтому я, отправляясь в поездку, обычно повторял слова актёра у Куприна «По суфлёру пойду» и всю дорогу пользовался по дороге устными советами коллег-автомобилистов, кои в Америке почти всегда любезны и готовы помочь.

Нашим посещением кладбища заинтересовались трое или четверо бдительных агентов Федерального Бюро расследований США, неотступно следовавших за нами в тёмно-зелёном и сильно подержанном «Мустанге». С хорошим пробегом, как можно было легко догадаться по его изношенному виду.

Можно было только гадать о природе очередного приступа служебной бдительности со стороны скромных американских рыцарей плаща и кинжала. Я уже года три как заведовал корпунктом «Правды» в Нью-Йорке, все мои привычки и корреспондентский режим были хорошо изучены американскими спецслужбами. Ну не сила же рахманиновского притяжения влекла их в загородную поездку в воскресный день?

Раза три останавливались по пути в Кенсико. Однажды я сам подошёл к доблестным охранителям американского образа жизни. Другой раз они подошли ко мне сами. Дискуссии всё время носили строго дипломатический характер.

Наконец въехали на территорию кладбища. Заасфальтированные аллеи вели нас мимо белоснежных памятников и аккуратных надгробий. Выйдя из машины, я в последний раз обернулся в сторону попутчиков. Теряя последние остатки терпения, они хором замахали руками, показывая мне направо.

И вот мы у цели. Белый мраморный крест в дождевых каплях, большая надпись внизу. Русские люди, мы отдаём последний поклон великому соотечественнику.

Далеко от родной земли упокоился он. Ему здесь печально и одиноко.

Россия тебя помнит и чтит.

В Дарвиновском музее в Москве прошли научная конференция и общественный форум «Яблоков-День». В конференции приняли участие учёные экологи, общественные деятели и политики. Открывали «Яблоков-День» директор Государственного Дарвиновского музея **Анна Клюкина**, академик РАН, председатель совета по экологии и природным ресурсам Санкт-Петербургского Научного центра РАН **Сергей Инге-Вечтомов** и член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института водных проблем РАН **Виктор Данилов-Данильян**. Модерировал конференцию руководитель Центра ответственного природопользования Института географии РАН, доктор географических наук, заслуженный эколог Российской Федерации, независимый директор — член Советов директоров ПАО «ГМК «Норильский Никель» и ОК «РУСАЛ» **Евгений Шварц**.

С приветственным словом в разделе «Наука» выступил доктор биологических наук, член-корреспондент РАН, директор Института биологии развития РАН **Андрей Васильев**. По его мнению, академик Яблоков был учёным нового стиля: он задался целью не только изменять мир, но и бороться за позитивные изменения. И хотя общественная и политическая роль Яблокова затмевает его как учёного и популяризатора науки, подобные конференции позволят обратиться к научному опыту Алексея Яблокова.

Академик Яблоков на основе анализа разных типов и форм изменчивости организмов обосновал и развил новые направления популяционной биологии — фенетику природных популяций и популяционную морфологию. Фенетика позволяет отследить различия между популяциями на основе набора внешних признаков (фенов).

Профессор кафедры биологии и экологии, доктор биологических наук **Алексей Стрельцов** выступил на конференции с докладом «Фенетические исследования в аспекте их приложения к оценке качества окружающей среды». Учёный отметил, что с помощью инструментов фенетики возможно оценивать влияние окружающей среды на живых существ в течение длительного периода времени.

Кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник национального парка «Берингия» **Ольга Титова** в рамках доклада об использовании фенетических методов для изучения китообразных в настоящее время рассказала, что ряд генетических исследований доказывал состоятельность выводов фенетического анализа существования видов и подвидов горбатых китов. В настоящее время данное направление науки получило развитие в таком виде исследования китообразных как фотоидентификация. Этот метод позволяет вести многолетние наблюдения за животными и проследить демографическую и социальную структуру популяций. Кроме того, отслеживание внешних признаков позволяет не только изучать жизнь китообразных, но и разрабатывать методы защиты китообразных от человека и сохранения их популяции.

Исследователи **Ренди Ривс** (группа специалистов по кито-

образным Международного союза охраны природы, Канада) и **Роберт Броунелл** (Национальное управление океанических и атмосферных исследований, США) поделились своими воспоминаниями о работе академика Яблокова

техногенной аварии в Чернобыле с докладом о врожденных пороках развития на радиоактивно-загрязненных территориях после катастрофы. Спустя 35 лет после Чернобыльской катастрофы на радиоактивно-загрязненных

в индустрии развлечений (за последнее десятилетие) выступила директор и соучредитель АНО «Научно-экологический Центр спасения дельфинов и других морских млекопитающих «Дельфа» **Татьяна Белей**.

чивают почти десятую часть ВВП страны. Большая часть этих людей проживают в крупных городах, таких как Мурманск, Норильск, Воркута, Салехард.

Кроме того, по мере увеличения глобальной температуры существует риск пробуждения древних патогенов, которые находятся в вечной мерзлоте в большом количестве и многообразии. Они могут выйти на поверхность, и возникнут новые заболевания.

Журналист, исследователь, член оргкомитета «Яблоков-Года» **Александр Емельяненко** рассказал о «ЯблоковСаде» как мемориальном проекте и форме сетевого взаимодействия между соратниками и сторонниками идей академика Яблокова.

Экс-глава международного департамента Службы охраны рыбного хозяйства и дикой природы США **Стивен Колл** выступил с докладом о международном сотрудничестве США и России в области охраны природы, которое происходило во многом благодаря Алексею Яблокову.

В рамках «Яблоков-Дня» прошло награждение экологов и молодых победителей экологических конкурсов России. Церемонию провела председатель правления Движения «ЭКА» **Татьяна Честина**. С приветственным словом к активистам обратилась Председатель Президиума ЯблоковФонда **Дильбар Кладо**.

«На вас лежит огромная ответственность за будущее страны и планеты. Если я правильно понимаю, водный кейс, как сейчас принято всё называть, самый острый на сегодня во всей экологической проблематике, с которым уже сейчас каждый день сталкивается каждый человек. В своей журналистской практике, а я работала на телевидении, я снимала и пересохшие родники, а загрязнённые водами атомной станции озера, и большую-большую главную реку России — Волгу. Я даже была заместителем председателя правления комитета спасения Волги. И я не говорю уже об Аравии, Каспии... А что делают с Байкалом!.. Яблоков каждый день занимался этими проблемами. Я приготовила для вас несколько книг из библиотеки Яблокова с экслибрисом Яблокова, чтобы они как-то помогали и поддерживали вас в вашем выборе», — обратилась к юным экологами журналист Дильбар Кладо.

Председатель Президиума ЯблоковФонда Дильбар Кладо также выступила с докладом о деятельности Фонда. В завершении «Яблоков-Дня» почётными грамотами Фонда были награждены инициативные группы столицы по борьбе за сохранение национальных парков, после чего звучали стихи и авторская песня, участники — друзья, коллеги и соратники академика Яблокова — продолжили общение и обмен новостями.

* * *

«Яблоков-День в Дарвиновском музее» стал объединяющим событием в календаре экологических, мемориальных и научно-просветительских акций, приуроченных к 90-летию со дня рождения Алексея Владимировича Яблокова — учёного-биолога, члена-корреспондента РАН, выдающегося общественного и государственного деятеля.

«ЯБЛОКОВ-ДЕНЬ» в Дарвиновском музее

Наследие Яблокова и современные проблемы экологии обсудили ученые, политики, общественники и активисты

по изучению китов. Сотрудничество советского ученого с западными коллегами началось в конце 60-х и не заканчивалось вплоть до 2016 года. Экологи рассказали о том, что известно западным ученым о Яблокове.

«Из большинства учёных в сфере изучения биологии животных и природы, он, пожалуй, был наиболее известным человеком из-за его непримиримого отношения к охране природы и его идей по эволюционной биологии», — отметил Роберт Броунелл.

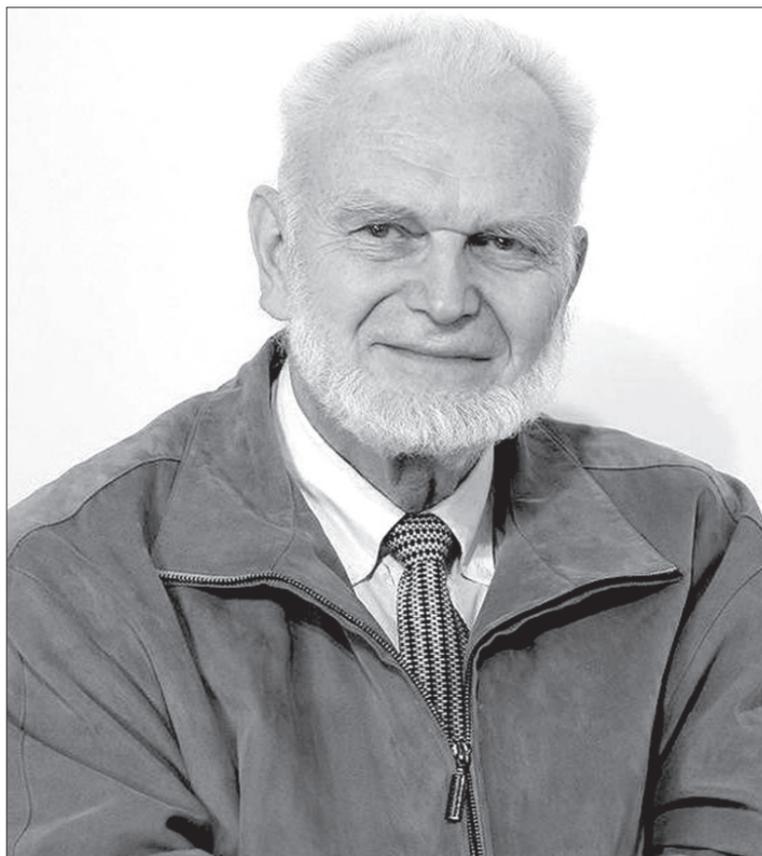
Западные коллеги Яблокова отметили также вклад академика в изучение последствий катастрофы в Чернобыле.

Доктор биологии, профессор, член Американской ассоциации содействия развитию науки (AAAS), Американского совета научных обществ (ACLS), Королевского географического общества и Клуба исследователей **Тимоти Муссо** рассказал о последних достижениях в понимании чернобыльского эффекта. Академик Яблоков сотрудничал с Муссо.

«Он потратил годы на сбор и систематизацию всей информации о Чернобыле, чтобы создать книгу, которая стала первой, всесторонне суммирующей всю известную информацию, особенно из славянских источников, которые были в значительной степени неизвестны и недоступны на Западе. Когда я прочитал эту главу, я понял, что это чрезвычайно важный вклад в знания, которыми необходимо делиться... И я считаю одним из своих главных достижений то, что я помог в процессе публикации этого шедевра на английском языке», — рассказал Тимоти Муссо.

Учёный признался, то наследие Яблокова вдохновляет многих ученых на Западе на работу по изучению чернобыльской аварии. Профессор Муссо представил ряд исследований, которые он провёл совместно с коллегами и которые доказывают огромное негативное влияние ядерной катастрофы на природу и человека.

Профессор кафедры «Медицина катастроф» Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова, доктор биологических наук, **Антон Корсаков** продолжил тему последствий

территориях Украины, Белоруссии и России проживает около 5 млн человек. Исследователи установили значимый рост частоты врожденных аномалий у младенцев, появившихся на свет на загрязненных территориях.

В завершение панели «Наука и общество» открыл сопредседатель «Экспертного совета по заповедному делу», заслуженный эколог Российской Федерации **Всеволод Степаницкий**. Учёный рассказал об инициативах по защите заповедных территорий, которые поддержал академик Яблоков, когда был советником президента Ельцина по экологической политике. Хотя заповедное дело не было приоритетным для Яблокова, с его поддержкой удалось спасти много ценных экосистем. Четыре года назад появилось предложение о придании национальному парку «Шантарские острова» имени Алексея Владимировича Яблокова. Архипелаг в Охотском море в 2013 году получил статус национального парка. Морская акватория островов изобилует китовыми. Всеволод Степаницкий предложил напомнить об инициативе назвать нацпарк именем академика Яблокова и направить письмо председателю Правительства России.

С докладом об объединении учёных и общественности в истории движения по защите морских млекопитающих от эксплуатации

Доктор биологических наук, кандидат физико-математических наук, один из основателей вольного сетевого сообщества «Диссернет» **Михаил Гельфанд** рассказал о проблеме заимствования и манипулировании данными в диссертациях в области медицины. Профессор рассказал, что в научных работах заимствуют и искажают графики, описания к ним, истории болезней, дизайн исследований.

В секции конференции «Политика» выступали ученые экологи, общественники и политики. Доклады были посвящены политической деятельности Алексея Яблокова и современным экополитическим трендам в России.

Председатель Федерального политкомитета партии «Яблоко» **Григорий Явлинский** назвал Алексея Яблокова основоположником научного направления «политэкология». Как известно, появившаяся в XIX веке политэкономия оказала огромное влияние на жизнь всего человечества, её появление обусловило революции и создание новых геополитических систем. В наше время экология становится мощным политическим фактором, заявил Григорий Явлинский.

Он доказал это на примере процессов глобального потепления, которые могут вызвать большую волну миграции жителей российского заполярья в европейскую часть России и стать причиной возникновения новых опасных эпидемий.

На начало 2019 года арктической зоне проживало около 2,5 млн россиян, которые обеспе-

Виктор ПРИТУЛА

Сказать, что Александр Иванович Куприн был незаслуженно обделён вниманием составителей серии «ЖЗЛ» невозможно. В советские времена читатели могли познакомиться с блестящим литературным портретом писателя в сборнике Корнея Чуковского «Современники». Потом была не менее замечательная биографическая книга о Куприне прекрасного знатока русской истории Олега Михайлова.

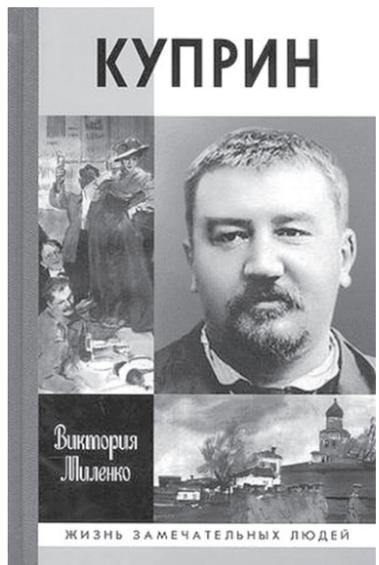
И вот третья встреча с классиком русской литературы Александром Куприным в книге Виктории Миленко «Куприн. Возмутитель спокойствия».

Виктория Миленко — автор ярких «жэзловских» книг «Аркадий Аверченко» и «Саша Чёрный». Можно сказать, что Серебряный век отечественной литературы и первую волну русской литературной эмиграции она знает не понаслышке.

Какие новые грани в личности писателя Куприна откроются читателям в книге Миленко?

Уже подзаголовок книги «Возмутитель спокойствия» настораживал. У «Саши Чёрного» подзаголовок был куда лиричнее «Печальный рыцарь смеха». А тут вот сразу некий анонс эпатажности.

Виктория Миленко поставила перед собой задачу развенчать «купринские мифы». Развенчать не голословно, а выстраивая портрет-коллаж из многочисленных документальных и мемуарных свидетельств о том или ином периоде жизни Александра Ивановича.

Приём, скажем, не новый. Самый знаменитый создатель таких вот коллажных книг — Викентий Викентьевич Вересаев. Его «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни» вдохновили создателей многочисленных биографических проектов от Николая Апостолова и Арсения Островского до автора книги «Александр Зиновьев» Павла Фокина с его большим издательским проектом «Без глянца». Вересаевский опыт, но уже со знаком минус, использовала и Тамара Катаева в своих скандальных книгах «Анти-Ахматова» и «Другой Пастернак».

Уверен, Виктория Миленко и в уме не держала создать нечто подобное. Однако же Куприн «возмутитель спокойствия» как-то затмил одного из последних классиков Серебряного века ПИСАТЕЛЯ Александра Ивановича Куприна. Кутежи, скандалы, запой. Свидетельств

тому много, может быть даже с избытком.

При том, что к молодому писателю с большой симпатией относились властители дум того времени Чехов и Толстой, а одним из вдохновителей «Поединка» был Максим Горький.

Куприн конечно же не благоден. И всё что написано в книге Миленко в большей степени — правда. Но писатель как-то потерялся среди обильного застолья.

ПИСАТЕЛИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИЗНИ

Водка — некий крест русской литературы. Можно проследить за судьбами писателей и поэтов ярких и трагических. Василий Шукшин и Венедикт Ерофеев, Владимир Высоцкий и Сергей Довлатов. Зря что ли родилось присловье «талант не пропьешь».

Творческое наследие Куприна не измеряется обличительным «Поединком» и «Ямой» с незаслуженно приклеенном ярлыком «порнографии». (Ознакомились бы современные Куприну критики с образчиками сегодняшней так называемой «литературной эротики»!!)

«Гранатовый браслет», «Гамбринус», «Олеся», «Листригоны», «Суламифь», «Белый пудель»... А пропитанные ностальгией по Родине «Кадеты» и «Юнкера». Десятки рассказов и очерков, сотни газетных публикаций. Иным литераторам-трезвенникам остается только захлебнуться желчью зависти.

Книга Виктории Миленко о писателе Куприне — спорная. Но уже этим и хороша. Потому что писатель не икона. Он живой человек со всеми его достоинствами и недостатками. И в этом отношении книга «Куприн. Возмутитель спокойствия» безусловно удалась. Вот только «Куприн в жизни» и «Куприн в литературе» как-то не срослись.

Мух много, только котлеты куда-то исчезли...

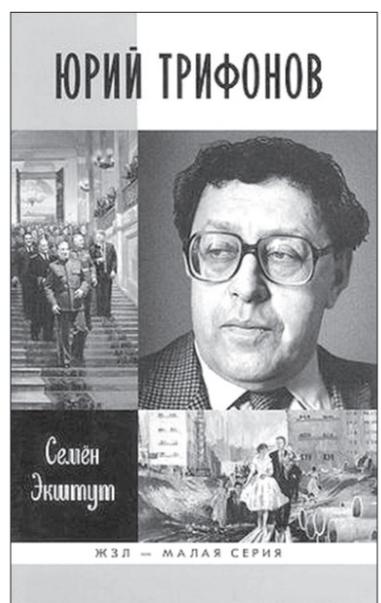
С писателями это случается.

Он никогда не был ни борцом, ни ниспровергателем. Страх, поселившийся в сердце двенадцатилетнего мальчика из Дома на набережной после ареста отца, преследовал его на протяжении отмеренных судьбой сорока трех лет остальной жизни до самой смерти в обычной палате городской больницы на излете марта 1981 года.

«Перестройкой» в то застойное время даже близко не брезжило. Генсек Брежнев доживал отмеренные ему небом последние 20 месяцев на кремлевском олимпе, но система оставалась прочной. Первая кровь Афгана ещё не просочилась сквозь бинты советского общества. Империя не верила в грядущую гибель, хотя её «серое вещество» — советская интеллигенция была смертельно поражена цинизмом, утратой идеалов, неверием в светлое будущее и латентным вещизмом, когда негласный социальный статус определялся наличием приличной квартиры, автомобиля «Лада», дубленки, кожаного пиджака и американских джинсов.

У него все это было. В амплу маститого спортивного журналиста он объехал едва ли не всю планету. Да и каждая новая его повесть тут же появлялась на страницах престижного в интеллигентских кругах «Нового мира», уже без Твардовского и его соратников, но всё ещё «приличного» литературного журнала, читатели которого чурались стоящих на охранительных партийных позициях журналов «Октябрь» и «Знамя».

В те времена читатели во всё искали подтекст. В каждой книге, в каждом фильме, даже в газетных публикациях. Одно дело «тамиздат» и «самиздат», где все вещи называются своими именами, и совсем иное — откровения трифоновских героев, которые перестали жить в ладу с этой странной субстанцией по имени совесть. Грехопадение свершилось. Изгнание из рая уже не за горами. И все сладкогорлые проповеди о «гласности, перестройке, ускорении» — всего лишь бульжники благих намерений, которыми вымощена дорога в предстоящий обществу ад постсоветского времени. Потому что одиножды предавший...

Писателя, о котором идет речь, звали Юрий Трифонов. Сегодня он как-то незаслуженно подзабыт издателями. Что ж, другие времена — другие нравы.

И тем более отраднo, что в замечательной коллекции «ЖЗЛ» (пусть и в малой серии) вышла книга Семена Экштута «Юрий Трифонов». Именно этот автор, который пристально занимается антропологией русской интеллигенции, должен был сказать свое слово о писателе. Поскольку Трифонов всей своей «городской / московской прозой» предсказал моральный крах советского «серого вещества», его последующее перерождение в постсоветскую «элитную тусовочку», которая и сейчас весьма далека от того, чтобы называться «мыслящим тростником».

Семен Экштут написал своеобразную книгу, которая не столько традиционное жизнеописание, сколько реконструкция портрета писателя из руды его прозы. Анализируя произведения Трифонова, имевшие небывалый успех у читателей, Экштут совершает довольно смелые авторские отступления, призванные проиллюстрировать эволюцию русской интеллигенции, деградацию которой отразил в своих городских повестях писатель, не ведавший своих пророчеств. Не случайно в подзаголовке этой книги автор вынес слова «Великая сила недосказанного».

К чести Юрия Трифонова, он, несмотря на неизжитый с годами страх, оставался верен своему времени и месту. Он не лакировал действительность, чтобы потом отречься от прежних «заблуждений» и покаяться в содеянных «грехах». Он просто рассказывал в своих повестях о том, что его волновало и тревожило. Потому что он был одним из тех советских творческих интеллигентов, блеск и нищету которых он четко осознавал.

Относительно пророчеств Юрия Трифонова с автором книги можно как соглашаться, так и спорить. Но тем и хороша эта книга, что задевает читательский нерв. Трифонова в бронзе представить почти невозможно, а вот Трифонов в смятении своих персонажей — наверное, самый точный портрет писателя, который, навсегда, останется мальчиком из «Дома на набережной».

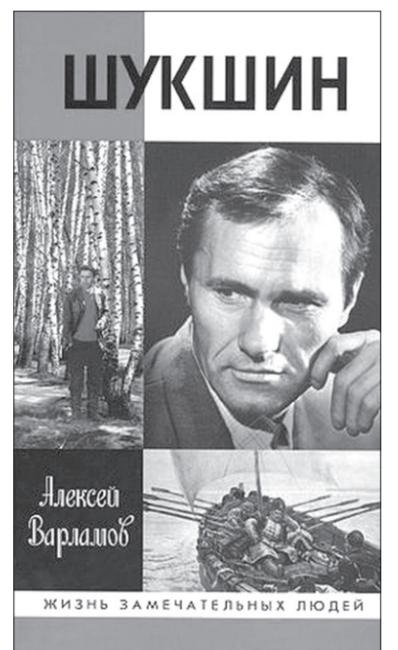
Тринадцатилетним мальчиком, написавшим в своем дневнике: «ЖИЗНЬ — страшная вещь, и, в то же время, — лучшая школа». С этим он и прожил. Достоинo. Не подличая. Хотя он никогда не был ни борцом, ни ниспровергателем.

Биографию всегда можно выдумать, говорил Егор Прокудин, герой «культовой», как сегодня бы сказали, киноленты Василия Шукшина «Калина красная». Шукшин же культовость отрицал напрочь. Как и клановость. «Один борюсь. В этом есть наслаждение. Стану помирать — объясню», — писал он в рабочих тетрадях. Объяснить не успел...

Биография Шукшина — это его творческое наследие.

Собственно весь его кинематограф, вся его проза — АВТОРСКИЕ. Все про себя «НЕлюбимого»...

И это с удивительной проницательностью проследил автор книги «Шукшин» Алексей Варламов — «золотое перо» серии «ЖЗЛ». Замечательный прозаик Варламов пишет не только художественные произведения, но и великолепную биографическую прозу. Достаточно вспомнить такие книги в «ЖЗЛ», как «Алексей Толстой»,

«Булгаков», «Григорий Распутин», «Александр Грин», «Пришвин», «Платонов».

И вот теперь, сложнейший образ Василия Макаровича Шукшина.

В «ЖЗЛ» несколько лет назад вышла отличная книга Владимира Коробова «Василий Шукшин: вещее слово». Предельно трагическое повествование, начинающееся рефреном «Не сберегли...».

Алексей Варламов поставил перед собой иную задачу: показать Шукшина РАЗНЫМ. Таким же разным каким был окружающий его мир. Таким же разным как деревня и город; как журналы «Октябрь» и «Новый мир» и группировавшиеся вокруг них литераторы; как авторский, но сугубо архаусный кинематограф Тарковского и столь же авторский, но подлинно всенародный кинематограф Шукшина.

Василий Шукшин всегда был одиночкой стоявшим МЕЖДУ...

Его герои (литературные и кинематографические) так и остались между деревней и городом, поэтому назвать Шукшина «деревенщиком» столь же неверно, как и зачислить его по разряду «городской прозы». Он жил и творил в традициях русской литературы с её состраданием к маленькому человеку. И одновременно мечтал создать и создал, по меньшей мере в прозе, эпический портрет бунтаря Разина.

В кинематографе не успел... Точнее не дали ему УСПЕТЬ киношные генералы и чинуши. Одни боялись, что переплюнет их Макарыч по эпическому размаху и таланту, других страшил в то застойное время пусть даже гипотетический и всего лишь экранный РУССКИЙ БУНТ.

Алексей Варламов написал великолепную книгу, которая не столько биографическая проза, сколько масштабное мозаичное панно с героем во времени и пространстве. Героем в контексте своей противоречивой эпохи. Для этой мозаики Варламову понадобилось найти и отобрать сотни различных «смалят» — документальных свидетельств современников героя, писем, рабочих тетрадей писателя, — из которых автор книги о Шукшине и создал портрет своего героя.

Портрет необычайно яркий, объёмный, живой и совершенно не канонический, как бы того кому-то не хотелось.

Общественный совет газеты

Лев АНИСОВ
Николай БУРЛЯЕВ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Татьяна ДОРОНИНА
Игорь ЗОЛУТОВСКИЙ
Николай ИВАНОВ
Владимир КРУПИН
Станислав КУНЯЕВ
Сергей КУРГИНЯН
Валентин ЛАЗУТКИН
Василий ЛИВАНОВ
Владимир ЛИЧУТИН
Дмитрий МИЗГУЛИН
Валерий ПОВОЛЯЕВ
Николай РЫЖКОВ
Евгений СТЕБЛОВ
Михаил ЧВАНОВ
Игорь ЯНИН

Адрес редакции:
125057, Москва,
Ленинградский просп., дом 57

Телефон/факс редакции:
8 (499) 157-5181

E-mail: slovo@slovolin.ru

Номер набран, сверстан
в компьютерном центре
Издательского дома «Слово»

Отпечатано
в АО «Красная Звезда»
г. Москва,
Севастопольский просп.,
д. 56/40, с. 1
Тел.: (495) 941-32-09
(495) 941-34-72
(495) 941-31-62
http://www.redstarprint.ru
e-mail: kr_zvezda@mail.ru

Редакция не несет
ответственности
за содержание
и достоверность рекламных
объявлений

При перепечатке материалов
ссылка на «Слово» обязательна

Материалы авторов не всегда
отражают точку зрения редакции

Подписание номера
по графику: в 15⁰⁰
Фактически: 15⁰⁰
20.12.2023

Зак. № 6900–2023

Тираж: 2800 экз.

12345678910111213141516

Издатель —
Издательский дом

СЛОВО
Свидетельство
о регистрации
№ 018242 от 03.11.98 г.

Учредитель
и главный редактор
Виктор ЛИННИК

ВОСТОЧНЫЙ ГОРОСКОП

2024-й — год Зелёного деревянного дракона

Символ 2024 года — Деревянный Дракон. В последний раз он «прилетал» в 1964 году. Цикл восточного гороскопа повторяется каждые шесть десятилетий. Если верить восточным мифам, именно Дракон управляет стихиями — огнем и водой, приносит миру процветание, может влиять на урожай и погоду. Это единственный мифический «персонаж» китайского гороскопа.

В мифологии Поднебесной есть легенда, согласно которой этот мифический зверь не пришел к финишу императорского забега первым из-за своего великодушия. Могущественное животное должно было стать лидером гонки, но несколько раз прерывало путь из-за спасения людей от засухи и наводнений. А перед самым завершением забега Дракон пропустил вперед Кролика, за которым гнался Волк. В итоге нефритовый император Юй-ди присвоил мифическому созданию только пятое место в зодиакальном круге — после Крысы, Быка, Тигра и Кролика.

Властолюбивый, но благородный и справедливый, яркий и решительный, безудержный и стремительный — таким предстает новый символ будущего года. Дерево — его главная стихия, которая

сглаживает все «острые углы сложного характера», импульсивность, вспыльчивость, горделивость, придает знаку творческую независимость, миролюбивость. Оно отражает интерес к мировым явлениям, любознательность и способности к анализу. А настоящие исследователи и увлекающиеся натуры не могут быть злыми и агрессивными. Поэтому Деревянный Дракон — животное очень гармоничное.

Зеленый цвет дарит символу 24 года 21 века миролюбие, спокойствие, рассудительность, ди-

пломатичность, гибкость, умение приспосабливаться к сложным ситуациям. Деревянный Дракон не терпит малодушия, изворотливости, лицемерия, жадности и безответственности, наказывает за несправедливость.

Мистический дракон символ 2024 года официально вступает в свои права не 1 января, как мы привыкли считать в России, а когда наступит февраль. Десятое число второго зимнего месяца ознаменует приход нового хозяина по китайскому лунному календарю. А пробудет он с нами вплоть до 28 января 2025 года.

Следующий 2024 год — високосный. Больше дней и больше рисков мировых преобразований, катастроф и неожиданных явлений. Будущий год сулит успех во всех начинаниях решительным людям, настроенным на победу. Сам символ грядущего 2024-го не терпит унылости, жалости к себе, пессимизма. Но и авантюры не по душе благородному животному. Не стоит затевать сомнительные махинации и сильно рисковать — можете остаться в дураках.

По материалам СМИ.

С УЛЫБКОЙ

Составила список дел, которые необходимо сделать в связи с предстоящим Новым Годом, перечитала, и возник у меня вопрос: «А Новый Год — точно праздник?»

— Жена, наш сын вырос! Когда его спросил, что он хочет к Новому году, попросил пригласить Снегурочку...

— Ну почему мы постоянно повторяем за китайцами? Вот они придумали год Дракона, и мы его встречаем.

— Не переживай. У нас тоже есть свои устои: с утра 1 января — драконоское дыхание...

Решила себя порадовать к Новому году. Купила все белое — платье, белье, чулки. Надеда. Решила, что буду похожа на Снегурочку, или, хотя бы, на снежинку.глянула в зеркало — вот это сугроб!

— Посоветуй, что купить жене на Новый год.
— А не проще ли спросить у нее самой?
— Ну, таких денег у меня нет.

Все бегают, носятся. Кто с подарками, кто с продуктами, кто с алкоголем, кто с платьем на НГ. Как же тяжело живется тем, у кого есть деньги.

— Какие виды психологического насилия вы знаете?
— Не трогай! Это на Новый год!

Сначала они говорят: «Как Новый год встретишь, так его и проведешь», а потом: «Ой, как бы перестать есть по ночам?»

— Сарочка, шо тебе подарить на Новый год: новую шубу или поездку в Париж?
— Поездку в Париж. Говорят, там шубы подешевле.

Итак, скоро Новогодние застолья, а посему, считаю своим долгом напомнить всем, что сила воли измеряется у женщины в килограммах, у мужчины — в литрах.

— Мам, ты получишь от папы на Новый год меховое пальто?

— Боюсь, что нет. Кризис.
— А ты уже пробовала падать на пол, ногами дрыгать и орать?

Купила подарки к Новому году. Две радиоуправляемые машинки, чтобы муж с ребенком не подрались.

— А мой папа боится Деда Мороза. Когда приходит Дед Мороз, я не могу найти папу.

Как можно жить по-человечески, если каждый год — это год какой-нибудь скотины!

Гадала на старый Новый год. Сожгла елку, затопила соседей, ушибла валенком какого-то мужика... Сразу приехали скорая, пожарные и милиция. Теперь сижу и думаю, кто из них суженый.

Дорогой Дедушка Мороз! Пишу тебе уже третье письмо, потому что два предыдущих мама нашла и порвала. Говорит, чтобы работу искал. Ванечка, 40 годиков.

Фотографии, сделанные перед новогодним застольем, получаются красивые, а после него — интересные.

— Симочка, а шо это у тебя на носу появилось после Нового года? Вроде и не синяк, и на родимое пятно не похоже...

— Та ничего страшного, это я просто фуужером натерла.

На Новый год кто-то один в семье должен быть трезвым. Выбрали кота!

Новый год, стоит елка вся наряженная, гирлянды горят. Пробегают собака, смотрит на елку и думает: «О, в туалет свет провели!»

Ребенок: «Дедушка Мороз, а ты настоящий?» Дед Мороз показывает сертификаты, справку из налоговой, лицензию и временную московскую регистрацию.

К старости время летит так быстро, что кажется, будто только и делаешь, что наряжаешь новогоднюю елку, разбираешь новогоднюю елку.

Самое первое государство, куда приходит Дед Мороз, это Китай. Чтобы загрузить мешок подарками.

— СНГ — это единственное, что объединяет бывшие советские республики.
— Полная ерунда.
— СНГ — это Старый Новый Год.
— Тогда другое дело.

После новогодних праздников две беды — это зеркало и весы...

Скоро досидимся в Интернете до того, что Новый год будем не справлять, а обновлять.

Итак, Новый год уже настал! Теперь все мужчины без зазрения совести могут нанести маску для лица — салат оливье!

Перед Новым годом выбрасывают все ненужное, поэтому в декабре я стараюсь как можно меньше мозолить глаза жене.